

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО



25 Listopadu 1933.

Volné Kozáctvo

Ročník VI.

25-го ноября 1933 г.

141

25-го листоп. 1933 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий



СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. К. Скубани: Поэт. (Verše).
 2. Вячеслав Седов: Конец лета. (Koniec leta).
 3. Борис Кундрюцков: Зима. (Verše).
 4. С. Савицкий: * * * (Verše).
 5. И. М. Назаров: * * * (Verše).
-
6. С. Турчанинов: Голод Северо-Кавказского Края — гибель Казачества. (Hlad v Severo-Kavkazskem Kraje — zahuba Kozáctva).
 7. Трагедия Казачества. (Tragedie Kozáctva).
 8. Ген. Т. Стариков: Организация вооруженных сил Казакии. (Organisace branné moci v Kozácku).
 9. Еф. Якименко: Когда появилась самостоятельность. (Kdy postaly snahy o samostatnosti).
 10. Еще одно свидетельство. (Ještě jedno svědectví).
 11. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 12. Павел поляков: Казацьи фельетоны. (Kozácké feuilletony).
 13. Казацьи эмиграция. (Kozacká emigrace).
 14. В Казакии. (V Kozácku).
-

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Белград. — Г. К. — Спасибо. Привет.
Тулуза. — Е. Я. — Все получено. Привет.
Франция. — И. Б. — Хорошо. Привет.
Польша. — А. Л. — Получено. Привет.
Локарно. — Ф. Е. — Получено. Журнал посылается. Привет.
Библиотекарю П. И. — Будем посылать и впредь.

Вильно. — С. Т. — Получено. Привет.
Швеция. — А. Т. — Исполнено. Привет.
Австралия. — И. К. — Ваши мысли заслуживают всяческого внимания. Привет.
Париж. — Ч. — Получено. Привет.
Белград. — Н. Д. — Получено. Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Княжевац. — И. Н. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“:

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine, Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

ВО ФРАНЦИИ:

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.
И. Д. Попов. M-eur Popoff, Vichy.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

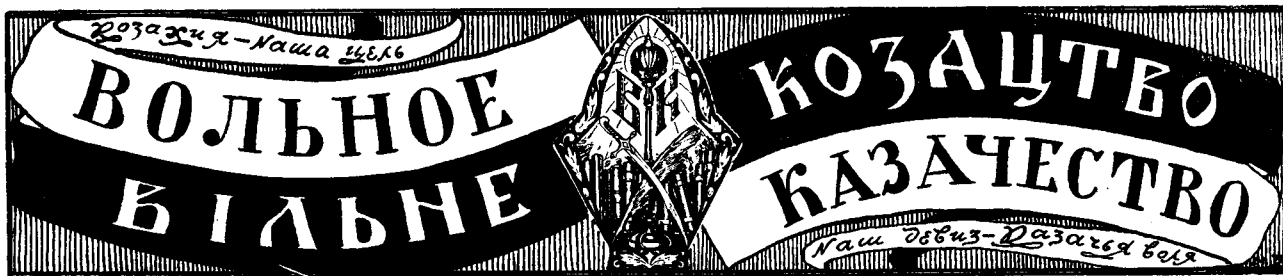
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.



— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор: инж. И. А. Бильий.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 141

Суббота, 25 ноября, 1933 = Субота, 25 листопада, 1933.

№ 141

И. К. Скубани. (Румыния).

П О Э Т.

Я не сказочный принц, не потомок князей,
Но чертог мой прекраснее царских палат!
В нем живут сонмы светлых, могучих идей,
И волшебные Музы парят...

В нем владыка лишь я, и никто под луной
Не шагнет через тайны его!
Никому не дано любоваться игрой
Бриллиантов венца моего!

Я всесилен!.. Когда восседаю на трон,
И в руках моих лира звучит,
Над вселенной несется божественный звон
О любви и прощеньи обид.

Загрустит моя лира о прожитых днях, —
И поникнет все в горе немом...
Засмеется, — и счастье в усталых глазах
Засияет искристым огнем...

Рассердится, — и великий с позором падет,
Добродетельный станет смешным...
Захочу, — и толпа свой кумир разобьет,
Преклонясь перед Богом моим...

Все во власти моей! Я сильнее царей!
Я зовущий живительный свет!
Храм-чертог мой поднялся над чувством
В величавой красе — я поэт! [людей...

Вячеслав Седов. (Франция).

Конец лета.

(Из рассказа „Степной философ“).

Конец августа. Прекрасное свежее утро. Легкий ветерок чуть-чуть шевелит местами уже пожелтевшую степную траву. Слабо трепещут еще зеленые листья скудной степной растительности. Дикие яблоньки и терн, густо увешанные паутиной, — совершенно без плодов. Только колючая баярыня и зеленоствольная крушина гнутся под их тяжестью.

Прямо передо мной, один за другим, видны высокие курганы, местами голые, каменные, местами покрытые полынью и чахлым кустарником. Бог весть, сколько стоят они, вечно молчаливые, грозные в своем молчании немые свидетели славного бывшего Дона и всего давно прошедшего. Много, многое-бы они могли рассказать людям о тех временах, когда еще нога человеческая не ступала по степи, а шумел только высокий свый ковыль, носились стада быстроногих сайгаков и серн, да царил в ясном голубом небе царь пернатых — могучий орел. Они рассказали бы о появлении здесь первых вольнолюбивых людей — казаков. Рассказали бы подробно о их жизни, о боях с дикими кочевниками, о славных атаманах Ермаке, Разине, Булавине, Пугачеве, о страшных временах казачества при царе Петре, походе на Азов... Но молчат седые курганы и крепко думают свою думу...

Внизу — сияющая блестящая гладь красавца Тихого Дона. За ним серебрятся песчаные косы, утыканные черными точками перекликающихся чибисов, среди которых, как бдительные часовые, высоко подняв головы, стоят неподвижно длинноногие цапли. По маленьким

заливчикам проворно бегают серые, красноногие зобастые кулики. Недалеко от берега плавает выводок красных гагар. Как на ладони, видны круглые зеркала озер в зеленых рамках куги и камыша, на полинявшем желтоватом бархате луга. По берегам озер столетние стройные вербы и белесые тополя глядят в прозрачную воду.

Солнце еще не взошло. Я бодро иду по редкой росистой траве, полною грудью вдыхая чистый, насыщенный ароматом полыни и чобора, воздух. Сердце наполнено неизяснимой радостью. Тело становится как будто невесомым. Я словно растворяюсь в прозрачном утреннем воздухе и быстро плыву к первому кургану, чтобы наблюдать оттуда восход солнца.

Вот слабым розовым светом загорелся восток. Зареве все ширилось и становилось ярче. Вот оно стало ярко-багряным. Зелено-розовыми стали деревья и луга. Слово огромные котлы, наполненные расплавленным металлом, запылали озера...

Из-за горизонта медленно выкатился бордовый диск солнца, быстро стал расти и, наконец, вырос в огромный кровавый шар. Мгновенье он как будто полегал на земле, а потом, отделившись от нее, стал плавно подыматься в пылающее небо. И чем он выше подымался, тем становилось все светлее и прозрачнее. Первые солнечные лучи яркими стрелами прорезали воздух, скользнули по бархату луга, ярко отразились в прозрачных водах и целым потоком посыпались на землю. Все засияло самыми разнообразными цветами;

все наполнилось радостным светом воскресшего дня, все ожило, задвигалось и запело торжественный гимн всеильному богу света — Солнцу. Застрекотали кузнечики, в воздухе замелькали разноцветные бабочки, зачиркали птички, закаркало воронье. Широко распустились крылья, в синем прозрачном небе поплыли коршуны, и пестельга, оторвавшись от земли, словно застыла в воздухе. Стайка чирковых уток со свистом пронеслась над головой. А под Горой, озаренный ярким солнцем, уже не синий, а алмазный, весь в брильянтовых блестках, изгибался Дон. Высокие курганы, залитые солнечным светом, сбросили свою молчаливую суровость и заулыбались.

Я быстро шел по росистой траве с кургана на курган, любуясь картиной рождающегося утра. В душе ширилась необъяснимая радость. Впереди меня проворно делал вольты мой сильный Гектор. Но дичи еще нет: она держится по нескошенному еще просу, по межам, бурьянистым залежам и узким лесным балочкам. Здесь же вылетают иногда жаворонки, или поднимется беловатый лунь — степной житель — да тяжело, лениво пролетит хищная сова, распустив свои когтистые лапы.

Через час я спускаюсь на ровное поле. Заблестало бурое жнитво пшеницы, ржи, ячменя. Между ними длинными, сверху золотыми и внизу зелеными полосами, тянулись наливные созревающие проса. Темнозеленые лесные балочки змейками прорезали жнитво и пропадали где-то в золотистой дали. Повсюду видны были высокие скирды хлеба. Паслись кое-где ленивые воли и лошади. По пыльной дороге тянулись возы. Где-то дымила молотильная машина. В стороне трещала косилка. На гумнах, как муравьи копошились люди. Трудовой день был в полном разгаре.

Солнце уже основательно стало палить, когда я вошел в одно просяное поле. Моя собака с высунутым языком уже спокойнее отыскивала дичь. Она часто делала стойку, поднимая жирных перепелов, которых здесь было очень много. Я чувствовал жажду. Часто пил сам и поил собаку, но все шел вперед, увлеченный охотой.

Я прошел полосу проса. В моем ягташе уже было с десяток жирных комочков. Мой путь мне пересекала неглубокая балка, заросшая молодым дубняком и паклинком. Из балки пахнуло на меня сыростью, запахом прелой прошлогодней листвы и плесенью. В лесу была тишина: ни шороха, ни звука. Я думал отдохнуть в тени и спустился вниз, заметив большую белоствольную березу; но там было душно и сыро, и я поспешил обратно. Жара и усталость заставили меня пробираться к ближайшему гумну, чтобы отдохнуть в тени, но поднятый собакой табунчик куропаток увлек меня, и я еще пробродил не меньше часа, пока не очутился на бахче, густо усеянной белыми, серыми и полосатыми крупными арбузами, желтыми ароматными дынями и зеленоватыми и розовыми огромными тыквами. Стройными редкими рядами, будто часовые, по краям бахчи стояли желтоголовые подсолнечники, низко опустив свои тяжелые головы, а посредине серебром отливалось „татарское просо“.

Посреди бахчи, как одинокий грибок, стояла круглая плетневая кухня, покрытая соломой. Я пошел к ней. Навстречу мне, как шар, выкатилась, заливаясь звонким лаем, маленькая желтая собака, а за ней, белый, как лунь, вышел высокий старик.

— Прочь, прочь, глупый! — послышался старческий голос.

Старик шел мне навстречу, сделав ладонью козырек над глазами.

— Маленький, а злочий, как змея, — проговорил он, подходя ко мне.

— Здравствуй, дедушка! — приветствовал я старика.

— Здравствуй, здравствуй, голубок! — ласково, по стариковски ответил он, внимательно рассматривая меня. — Ну, идем в кухню! Там у меня прохладно, а на дворе-то вишь какая жара! Дышать прямо не чем.

И старик зашагал босыми ногами по накаленной рыхлой земле. Я шел сзади его, любуясь его могучим

телосложением. Он был высок, строен и широк в плечах. На нем была чистая белая рубашка, подпоясанная узким ремнем, и серые парусиновые штаны. Белые, в кружок подстриженные волосы и широкая борода были аккуратно расчесаны. Даже босые крупные загоревшие ноги были чисты. Весь он был какой-то особенный, не похожий на караульщиков бахч, каких мне приходилось видеть не мало.

Поразила меня безукоризненная чистота и в кухне: земляной пол был чисто подметен и побрызган водой, отчего сразу я почувствовал свежесть, запах чобора, полыни и еще какой-то травы. У стенки стояла самодельная кровать, застланная сеном и покрытая серым суконным одеялом. В головах, вместо подушки, лежала свернутая лохматая баранья шуба. У другой стенки стоял маленький чистый самодельный столик, на котором лежали старая в кожаном желтом переплете библия и евангелие. На полке над столом стояла посуда: небольшой чугунок, чашка и сковородка. Все чисто, все в порядке. В переднем углу висела маленькая деревянная икона Николая Чудотворца в рамке пучочков ковыли.

Старик пододвинул мне самодельную маленькую табуретку, а сам сел на кровать. Из раскрытого ворота рубашки видна была могучая, бронзовая от загара, волосатая грудь с большим медным крестом посредине.

— Умаялся, голубок?, — обратился он ко мне, — и пить и есть, должно, хочешь?

Старик достал из-под кровати большой полосатый арбуз, вытер его чистой тряпицей и положил на стол.

— Вот покушай арбузика холодненького, это лучше всего жажду утоляет. А вот тебе нож и хлебец, — проговорил он, кладя на стол большой нож и белый пшеничный хлеб.

Я с удовольствием принялся за арбуз, а старик спрашивал меня: откуда я, чей, чем занимаюсь. Спрашивал, много-ли дичи. Посмотрел убитых куропаток и перепелов в моем ягташе и заговорил спокойно, с расстановкой:

— Да, все переводиться начинает... Вот за какихнибудь пятьдесят лет, на моих глазах, сколько перемен произошло... Вот ты проходил по этим балкам, выдал — кусты стоят одни, а ведь при мне еще там росли дубы в два обхвата. Землю тут пахать и не думали. Шумела густая ковыль. А дичи всякой сколько было! Дудака этого, стрепета, а зайцев... — на них и не глядели, мало их кто тогда и ел. Много было волков. Много они тогда беды делали. Среди белого дня влетит в отару овец и давай им бандур выпускать!

Старик подумал с минуту, что-то вспоминая, тихо улыбнулся и продолжал:

— Да, приволье было... Сколько вишни дикой, яблоч, груш, терну, клубники. Рыбы и раков в реках и озерах... Всего... ешь — не хочу. Земля была волная, не деленая А родила! Посеешь шапку проса, а намолотишь 50 мер. Просто, правда, тогда жили люди. Чаев этих в простом народе не знали. Одевались тоже просто, но ели куда лучше: мяса было — сколько хочешь, а хлебу у нас и цены не знали.

Старик теперь улыбался: воспоминания прошлого, видимо, создавали ему хорошее настроение.

— Да и народ был куда честнее. Векселей этих всяких не знали. Все верили на совесть. О судах тоже мало кто имел понятие, все решали полюбовно. Помогали друг другу во-время. А теперь?..

Старик замолк и глубоко задумался, опустив на грудь свою седую голову.

— Правда, сказано в Св. Писании, что перед концом мира оскудеет вера, и будет зло на земле. А я думаю — не конец мира, а конец людям. Мир-то останется: он, я думаю, извечно такой, а вот люди меняются. Сами себя изведут... Зверя теперь нужно меньше бояться, чем человека. Человек теперь самый опасный и лютый зверь. Все на земле живет и радуется, славит Всевышнего, и только человеку одному тесно на земле. Он что-то все ищет, мудрствует, а того не понимает, что он пылинка, тля на земле, и ничего он не изменит в мире...

Я вышел на воздух. С юга неслись косматые сизые облака. Они быстро соединялись, образуя сначала бесформенную, как бы дымовую, массу, но быстро потемнели и на моих глазах превратились в огромную черную тучу. Фиолетовым зигзагом блеснула молния, и где-то далеко чуть слышно прогремел гром.

Через несколько минут вышел за мной и старик. Он посмотрел на небо. Лицо его мгновенно озарилось радостной улыбкой. Морщины раздвинулись, и он, казалось, помолодел сразу на двадцать лет.

— Слава тебе, Господи! — проговорил он молитвенно и перекрестился широким крестом. — Дождичка Господь посылает. Сжалился над нами грешными. Все лето, почитай, сухота да жара такая стоит, что мочушки нет никакой. Все деревца, травка пожелтели, повянули. Земля-кормилица даже потрескалась. Мушны этой всякой, червя развелось — и счета нет... Хоть и молитба сейчас, но это не помешает: народ подобрал хлебец с полей, а кое-кто уже и обмолотил, а после дождичка и просо выкосить хорошо: сыпаться так не будет.

Старик разговаривал, как будто сам с собой, и все время смотрел на надвигающуюся на нас огромную черную тучу. Молния все чаще и чаще прорезывала черное небо, и уже отчетливо доносились раскаты грома. В воздухе стало как-то особенно душно. Все живое закопошилось и забило тревогу. Проворно носились над самой землей быстрые ласточки. Тревожно чирикали воробьи. Жужжали мухи. В балке тревожно стрекотали сороки, каркала воронья. Пасшаяся на поле спутанная лошадь перестала махать головой. Она часто фыркала и нервно щипала траву. Волы по временам лениво поднимали свои широкие морды вверх и нюхали воздух, широко открывая и закрывая свои влажные ноздри. Два молодых петушка, боязливо озираясь, побежали в кухню.

— Вот видишь? — кивком головы указал мне дед на цыплят, — курица уж куда бы глупее, а и то Господь разум дал; понимает, что опасность находит, и сама к человеку идет. А вчера хотел одного для праздника зарезать, так и близко не подходят. Я им и хлеба, и пшеница. Так и не приманил. А гоняться за ними не мои лета... Да, вот какое оно дельце-то, — раздумчиво закончил старик.

А туча все росла и надвигалась. Вот она охватила пол-неба и закрыла солнце.

Наступили, словно вечерние, сумерки. Молния ежеминутно бороздила небо. Бесперывный гром сотрясал воздух. Казалось, земля дрожала под ногами, и огромное черное покрывало с шумом и треском спускалось на землю. Вот молния ярко сверкнула над нашими головами, и грянул гром. Старик начал часто креститься, шепча про себя молитву. Напуганная лошадь быстро попрыгала к ближайшему гумну. За нею побежали волы. Несколько крупных дождевых капель упало мне на голову. Застучали они по листьям арбузов и тыкв сначала редко, а потом все чаще и чаще, и, наконец, с шумом, как из ведра, полил крупный дождь. Мы побежали под крышу. На бегу я успел еще увидеть край голубого неба на севере, и мне почему-то стало грустно на сердце.

Дождь лил все больше и больше. Временами он как будто редел, но чья-то неведомая рука вновь нажимала рычаг чудовищной машины, которая с удвоенной силой низвергала воду на землю. Но молния уже сверкала реже, и раскаты грома удалялись от нас. Через час показался край чистого голубого неба, а вскоре и яркое, словно умытое, солнце осветило землю и заиграло своими лучами в дождевых лужах, бегущих ручьях и каплях, спадающих с травы и деревьев. А туча понеслась дальше изливать свою живительную благодать на жаждущую землю...

— Фу!... благодать-то какая, Господи! — говорил радостно старик, оглядываясь кругом. — Все-то стало умытое. Повеселело сразу, позеленело.

И действительно, все, словно в сказке, приняло обновленный вид: пыльные до этого листья арбузов и тыкв стали белозелеными у первых и ярко-зелеными у вторых. Большеголовые подсолнечники в радостном трепете смотрели в глаза солнцу. Стройное „татарское просо“, с повисшими на серебряных верхушках дождевыми каплями, сыпало искры брильянтов на солнечных лучах. Радостно зачирикали птички. Со свистом пронеслась стая диких уток. Поплыли в прозрачном голубом небе хищные коршуны. Запрыгали около дождевых луж, радостно стрекоча, сороки. Важно расхаживали по грязной дороге толстые вороны.

Два босоногих белоголовых мальчугана, верхами на мокрых лошадях, со смехом и криком гнали волов на водопой...

Борис Кундрюцков. (†)

З И М А.

Грядущая зима —
Чем удивишь ты новеньким? —
Уложишь друга ль в гроб,
Или пойдешь веселеньким
Гулять в степях восстанием,
Смеяться над страданием
Народа моего?..

В метель бойцов забрасывать
Колючими снежинками
И с воем им рассказывать,
Что враг идет дружинами —
Смеется над дубинами,
Над вилами — оружием
Повстанцев казаков?..

Зима, зима жестокая...
Того, кто в мех закутался,
Кто, крови насосавшись
И за оружие взявшись,
Глумится, — ты щадишь?..
Покроешь ты насилие,
Приложишь все усилия
Сгубить Казачий Юг?..

Или в курень ворвавшись,
Разбивши ставню старую,
Казачке разрывающейся,
В дерюгу замотавшейся,
Ты весть проवेश жуткую,
Что смерть сошлась с сыном
В сугробах снеговых...

На Белом море — озере
Иль в Соловках, на Муроме,
Вода с землей где в уровень
Зеленым льдом закована,
Настигнешь ты казаченьку
Морозом и мятелями...
Застынут под шинелями
Орлиные сердца...

С. Савицький (Бразилія).

* * *

Ви хочете нам волю відібрати,
Щоб тільки вам світила на землі,
А нас у пекло ваше повкидати...
Дивіться: ваші руки вже в крові!
Ви хочете над нами панувати...
Ви воскресили час Петра царя,
Коли ярмо ми стали розбивати:
Ви сліз і крові пролили моря...

О, ні! даремні ваші всі змагання —
Не вам в кайдани духа закувати!
Ще вдаре грім козацького повстання,
Козак ще буде волю здобувати.
І вірю я, що він її здобуде
В огні з кровавих ваших пазурів.
Й не зійде більш сліпцем на шлях облуди, —
В огні своїх страждань він вже прозрів.



И. М. Назаров. (Княжевац).

* * *

В моей стране, из края в край по ней
Несется смерть на красной колеснице.
Там вечный пир кровавых палачей
И хищных воронов без края вереницы.

В моей стране чудовищная мгла,
Как дума черная, впиалась в степные дали
И в них с кровавою злобою залегла.
То мечь народа спит в немой его печали.

В моей стране не зреет виноградъ,
Пшеница на корню неубранная гложет,
От материнских слез трава по степи сохнет,
И кровно-алые зарницы в ней горят.

В моей стране убит живой порыв.
Под властью Каинов, всех Каинов злобнее,
Никто не знает там, что завтра будет жив
Иль будет на столбе с веревкою на шее.

Но все же горд и грозен мой народ!
Нет рабства там, но с силой грозовою
Глядит он в будущность и с твердой верой ждет,
Что будет день, когда потребует он к бою

Тиранов и убийц, глумящихся над ним.
Тот день вернет все счета чести,
Как Божий суд, падет неотвратим
И будет памятен огнем и кровью мести!

А мы в изгнании... что делаем мы тут?!
Над нами нет, как смерть, грозящей кары,
В тюрьму китайцы нас толпами не ведут,
Не издеваются у стенок комиссары,

Не голодаем мы, не знаем Соловков,
Мы не унижены, не в кандалах свобода...
И все же сколько тут рабов
Под властью тех же из мучителей народа!..

Что оторвало их от дорогих могил
И привело к содружеству с врагами?!
Кто обманул и сделал их рабами?
Кто продал их, и кто их ослепил?!

Ответ один. Ответ лежит в молчании
Заснувшей совести и в шкурности затей.
Ответ — в предательстве вождей
И в жалком, мелочном и подлом пресмыкании.

Опять-ли повторим мы страшную весну?!
Пора опомниться, пора умом свободным
Приблизиться к страданиям народным
И силой кровных жертв спасти свою страну.

Пора забыть наш таборный разбой,
Пора понять, что все мы братья родом,
Все станем в ряд пред общею бедой,
Чтоб умереть... иль быть народом.

Редакция журнала „В. К.“

поздравляет всех вольных казаков с праздником 10 декабря.

Пусть все вольные казаки в этот день пошлют свой братский привет туда, в родные Края, где московские оккупанты издеваются над нашим народом, пусть пошлют туда свое казачье „слышим!“

Пусть в этот день вольные казаки сделают переключку и между собою, пусть сделают проверку и своих рядов, пусть подсчитают и свои силы, и пусть всеми мыслями и действиями их в этот день будет руководить одно желание: какой угодно ценой, но осуществить в ближайшее время программу ВК в жизни

— изгнать оккупантов и создать свое свободное казачье государство — Казакию.

Настоящее поздравление заменяет собою и личные приглашения на редакционную чашку чая, каковые в настоящем году рассылаться не будут.



С. Турчанинов.

Голод Северо-Кавказского Края — гибель Казачества.

Страшный голод пришел в наши Края на смену пережитых больше чем за два века событий. События кровавые и „мятежные“ не раз повторялись с момента утраты Казачеством своей независимости. События эти можно разделить на три периода: 1. период императорского режима, 2. период революционный и 3. современный.

Период императорского режима, самый длинный, тянулся чуть-ли не два века при поддержке заинтересованной материально некоторой части казачьей старшины. Казачество, жившее свободно и богато до начала 18-го столетия, к концу того столетия стало задыхаться в новой обстановке, созданной правительством России. Казаки все время вели молчаливо-упорную борьбу за восстановление отнятых прав... К тому же, тяжелые войны за интересы России довели Казачество до полного экономического упадка, и Казачество обнищало.

В конце 19-го столетия Донские казаки принуждены были обратиться за помощью к русскому правительству. И вот дар „отцам“: пособие в 100 рубл. В результате всего, богатый духом, телом и природными естественными богатствами своей земли казачий народ оказался „должником“ России...

Несмотря на трудные условия своей жизни, Казачество оказалось, в культурном отношении, далеко впереди „русских масс“. В то время, когда в России еще не все представители „правящего класса“ были грамотны, на Дону было несколько десятков гимназий и множество нищих школ. „Мятежный“ страх повис снова над головами петербургских правителей. Решено было „изъять“. Взмахом пера закрывают все гимназии и открывают кадетский корпус. Что означало это? Мог-ли один кад. корпус удовлетворить все запросы казачьего духа? Могли-ли учиться в кад. корпусе дети простых казаков? Высокое каменное препятствие поставлено было перед казаками, — и русское право успокоилось... Дело обошлось без „мятежа“, но старики „поговаривали“.

Наказные атаманы назначались зачастую не только не казачьего роду, но часто и не русского роду. Назначенный пришелец, не зная казачьей души, жизни казака и его потребностей и стремлений, начинал править в угоду своему барину и по его указке. Князь Святополк-Мирский добился своего назначения на пост наказного атамана для того, чтобы „поправить“ свои пошатнувшиеся дела в Польше. Прикарманив 15 милл. золотых рублей Донской казны, князь скрылся без суда и чести. Мог-ли судиться такой господин, да еще князь, ... казачьими руками? Говоря русским языком правительства, „князь отбыл“.

Больше 10.000.000 зол. руб. ежегодно Донская казна отправляла русскому правительству.

По каким соображениям и за что? За то, что казаки покрыли славою военную историю России?! За то, что казачьими могилами покрыты и холодные тундры, и италийские поля, и Балканские горы, и Мазурские болота?! Тысячи могил! За что?! За величие неблагодарной России!!!

Второй период событий (начало XX в.) — время революционного пробуждения „трудящихся“, когда русские народные массы были направлены на казаков и призывались к уничтожению Казачества. Даже и здесь, в эмиграции, встречаешь участников революции 1905 г., которые и в настоящее время „проклинают“ казаков. Это довольно короткий период. Руководители революционных групп сумели внушить „народным массам“ полную ненависть к казакам и „предрасположить“ русский народ к современному периоду физического истребления Казачества.

После долгих экспериментов социальных, экономических и национальных, современное русское правительство, превзойдя всех своих предшественников, превзойдя все жестокости по отношению к казакам, решило уничтожить его голодом.

Прошло страшных 13 оккупационных лет. А теперь пришла еще более страшная весть о голоде. Мы видели в нашем журнале „карту голода“, по которой можно судить, что великороссы не голодают, а голодают казаки и украинцы, т. е. „вредный элемент“, ведущий борьбу за свое освобождение.

Уже с весны настоящего года письма оттуда свидетельствовали о начале голода, а теперь советское правительство, при всем желании, не может скрыть это, и весь мир заговорил о голоде.

Десятки, сотни, тысячи лучших сынов Казачества ушли... За ними на очереди — новые легионы обреченных на смерть...

Неужели мы, казаки, останемся бездельными и не отзывчивыми? Что-же мы, не можем хоть чем-либо помочь? Что же, цивилизованный мир и на этот раз не поймет, что Казачество гибнет по вине русского правительства?!

Некоторые иностранные политики и журналисты знают страшную правду. В газете „Возрождение“, в номере от 17-го сентября, помещена статья одного французского журналиста о „голоде в России“. Заметка взята из журнала „Revue des deux Mondes“. В ней подчеркивается, что наибольшие испытания выпали на долю Северного Кавказа и Украины, т. е. самых плодородных районов, и задается вопрос, не является-ли для централизаторской политики московского правительства выгодным уменьшение населения в тех областях, где нарастают автономистические настроения!..

Нам нужно повысить голос, выступить всем и показать страшную правду. Даже больше: мы первые должны помочь!

Голод — там. Разделим и здесь этот голод! В знак протеста, объявим однодневную голодовку и лепты, предназначенные для нашей еды в тот день, отошлем на Родину через Лигу Наций, или же через Международный Красный Крест!

Этот день отдельные казаки, группы, хутора и станицы должны использовать исключительно на работу для Казачества: устроить собрания, манифестации, поставить в известность местные власти, принять резолюции и направить их в Правление В. К. для przeprowadzenia в Лигу Наций.

Давайте, братцы-казаки, докажем, что мы,

От редакции: Принимаем предложение станичника С. Турчанинова об устройстве казачьего дня протеста против режима красных оккупантов в Казачьих Землях, приведшего к голоду наши Края, никогда еще в истории не знавшие голода, протеста и против самой оккупации наших Земель красными московскими завоевателями.

День этот — день однодневной голодовки и день протестационных собраний — назначаем на 13 января 1934 года, т. е. в день, в который ген. А. П. Богаевский устраивает в Париже свой очередной бал.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

Деникин сознательно и обдуманно вел свою политику на фронте, совершенно понапрасну проливая казачью кровь и затягивая ликвидацию большевиков на Северном Кавказе. А в это время в тылу происходили следующие события.

10-го ноября в Новороссийск прибыла Союзная французо-английская эскадра, и начались торжественные встречи союзников.

11-го ноября Кубанская Краевая Рада приняла так наз. тезисы председателя Кубанского Правительства, говорившие о закреплении государственной самостоятельности Кубани, о необходимости организации федеративного государства из новых Республик — Кубанской, Донской, Украинской, Горской, Грузинской и т. д. После принятия этих пунктов представители Добр. армии оставили заседания Рады. Русская пресса открыла огонь „картечью“ по „доморощенному народному представительству“ — Кубанской Краевой Раде, русская пресса заливала Кубань удушливыми газами своей ненависти и провокации, неистовствовала и протестовала против постановлений Кубанской Рады.

13 и 14-го ноября происходили в Екатеринодаре совещания представителей Добр. армии, Дона и Кубани. Представители Добр. армии категорически настаивали на полном подчинении Дона генералу Деникину. Донские представители отвергли эти русские претензии, и совещание, окончившись ничем, прекратило свою работу.

В это же время была организована Кубано-Добровольческая Согласительная Комиссия из равного числа представителей Кубани и представителей Добрармии. После многих заседаний, после долгих и утомительных споров и пререканий, эта Комиссия разошлась, не придя ни к какому соглашению между представителями самостоятельной Кубани и единой неделимой „белой“ России. Другая, красная Россия, сотысячными армиями старалась в это время разгромить на фронте Казачьи войска. Белая Россия была еще очень слаба и вела с

потомки славного Казачества, из сострадания к своему народу, готовы на все! Будем требовать все, что только возможно, для нашего народа!

Обще-голодный призыв о помощи к народам всего мира!

Общеказачий голодный фронт!

Будем просить о немедленной помощи голодающим там и требовать удаления красных русских войск и их комиссаров с территорий Казачества!

Только с уходом ненавистных пришельцев из наших Краев на просторных степях восстановится мир и долгожданное благоденствие.

Общим усилием, дерзновением вперед, к эшафоту Казачества!

Общим фронтом сомнем русских палачей!!!

казаками, пока что, словесные бои. Только русский генерал Покровский и кубанский ген. Шкуро — „водили козу“ по Екатеринодару и угрожали расправиться с самостийниками.

У русских генералов устанавливались не совсем ясные и понятные взаимоотношения с Союзниками. С одной стороны, они, Союзники России, как будто признали Деникина руководителем всех вооруженных противобольшевских сил, а с другой стороны, Деникин повествует о следующем:

„13-го ноября союзный флот появился в Севастополе и приступил к принятию от германцев судов русского Черноморского флота... Все годные к плаванию корабли приказано было отвести в Измит для интервьюирования... Французские и английские команды... топили и взрывали боевые припасы... Образ действий союзников походил скорее на ликвидацию, чем на начало противобольшевицкой кампании“ (Деникин, IV, 39—40).

В застольных речах на торжественных обедах по случаю приезда представителей Союзных держав говорилось много приятных слов, давались заверения во взаимной дружбе и поддержке, при чем Деникин и его соратники не скупались на заверения союзных представителей в том, что „Россия никогда не забудет помощи союзников“ и т. д., а в это время, как видим, Союзники уводили военные корабли, уничтожали боевые припасы, ибо приятные слова и торжественные встречи не закрывали, очевидно, перед союзными представителями весьма неприятной для руководителей т. н. русского белого движения действительности: у Деникина не было военных сил, которые он мог бы считать за свои, за русские. Кроме того, Украина предъявляла и свои права на Черноморский флот.

Таким образом, претенциозная деникинская единая неделимая Россия строилась пока что на песке. И хотя русская пресса по случаю приезда представителей Союзных держав и подняла неистовый крик радости,

хотя русские генералы, русские бюрократы, русские помещики, русские общественные и политические деятели (а сколько их тогда собралось за крепкими казачьими спинами!) и хорохорились перед союзниками, хотя Деникин и старался внушить себе и другим, что победы над большевиками на всем Юго-востоке принадлежат русским добровольцам, но от внимательных наблюдателей (кроме тех иностранцев, которые на торжественных встречах говорили приятные слова; были, конечно, и другие, которые наблюдали жизнь тыла и фронта) никак нельзя было скрыть того простого обстоятельства, что весь огромный противобольшевицкий фронт Дона держится исключительно Донскими казаками, что русские люди провалились с организацией так наз. Южно-русской армии, союзники знали, что противобольшевицкий фронт на Северном Кавказе, от р. Маныча до Кавказских гор, держится Кубанскими и Терскими казаками и горцами...

Еще лучше звал это генерал Деникин и все его военные и штатские помощники и советники. Знали они и другое, не менее важное: на Дону крепко сидел самовластный, себялюбивый Донской Атаман Краснов, который сам добивался у союзников получения в свои руки иностранной помощи для „спасения Матушки России“ и, как показало совещание представителей Добр. армии, Дона и Кубани, бывшее 13—14 ноября, совсем не собирался подчиняться Деникину, а на Кубани заседала Кубанская Краевая Рада, которая, как показали принятые ею 11-го ноября постановления, не собиралась отдать Кубань на услужение единой неделимой России...

Для претенциозных, но весьма слабых руководителей белого русского движения создавалось довольно тяжелое положение: своих военных сил нет, Дон не подчиняется; Кубань, хотя и передала войска свои в распоряжение русских генералов, но собирается их забрать и свести в самостоятельную Кубанскую армию; Союзные державы уводят за границу Черноморский флот и собираются его интернировать... Эта до чрезвычайности запутанная политическая и военная ситуация, далеко еще неясная политика Союзников в отношении возрождения неделимой России, наличие на Дону Атамана Краснова, а на Кубани Рады, отсутствие у Деникина сколько-нибудь заметных русских военных сил, нежелание русских людей честно и открыто признать, что вся их акция по созданию противобольшевицкого русского белого движения среди самих русских уже провалилась, способность русских людей на самую неискреннюю политику в отношении Кавказства, — все это диктовало руководителям белой Руси определенную линию поведения в тылу и на фронте.

Деникин искал помощников и союзников среди кубанского офицерства, среди кубанских помещиков, среди членов Кубанской Краевой Рады, среди кубанского духовенства. Но по ходу работ Кубанской Рады он видел, что полная победа самостийников не только не исключена, но вполне возможна. Деникин знал, что дела в Раде решаются голосованием, поэтому всеми мерами старался вызывать недоразумения в самой Раде, в Кубанском Правительстве, старался воздействовать на умы самым сильным средством — угрозой нового нашествия большевиков на Кубань.

Поэтому Деникин без движения держал в пределах Кубани, на границах с Ставропольской губ. и Терской областью, сильную группу Кубанских войск ген. Ляхова; Деникин задерживал недалеко от Ставрополя, близко границ Кубани, сильный корпус Казановича и активно действовал только левым флангом наших войск — Кубанским корпусом Врангеля. Поддерживаемый Кубанским Атаманом Филимоновым и некоторыми старшими кубанскими офицерами, Деникин был полным хозяином в деле распоряжения кубанскими войсками. Свою единонедельмическую, противоказачью политику он мог осуществлять эластично и незаметно для глаз рядового казачества. Ведь все так легко можно было объяснить интересами стратегии и тактики, отсутствием достаточного количества вооружения и огнестрельных припасов, непредвиденными обстоятельствами и т. д. Во всяком разе, русские генералы (русские из России и русские из казаков) безотчетно и безконтрольно рас-

поряжались кубанскими военными силами и свою политику в отношении Кубани вели так, как хотели.

Не то было с Доном: генерал Краснов не Филимонов. Деникин, умышленно и сознательно задерживая героические Кубанские войска на границах Кубани, вредил этим не только Кубанцам, но и Терцам и Донцам. Терцам тем, что давал полную возможность большевикам и далее заливать Терек кровью, грабить население, мобилизовать его против Кубанцев, а Донцам тем, что принуждал их самих, без помощи Кубанцев и Терцев, выдерживать вооруженный организованный натиск всей Великобритании. Каждый день промедления с высылкой вооруженной помощи на Дон морально подрывал силы Донских казаков и открывал широкие двери для большевицкой пропаганды. А большевицкие войска, продвигаясь на юг по территории Украины, все крепче сжимали в своих кровавых объятиях, в братских объятиях „Матушки России“, многострадальную, но героическую и доблестную Донскую Землю! В это время Дон дал все для фронта!

Оказывается, что не только задержкой на Северном Кавказе успешных боевых операций Кубанских войск Деникин наносил косвенный удар по казачьему Дону, не только работой своих представителей, изображавших в глазах Союзников Донское Войско полубольшевицким государством (см. Краснов, цит. его статья, стр. 254), Деникин подрывал добрую славу, честь и достоинство Донского казачества, но он, Деникин, поддержанный русскими людьми, не постеснялся нанести и непосредственный удар в спину истекающему кровью в борьбе с русскими армиями, славному седому Дону и его доблестной армии. Быв. Донской Атаман, П. Н. Краснов, в уже цитированной нами его статье „Все великое Войско Донское“, рассказывает о следующем, просто ужасном, факте:

„С прибытием союзников генерал Деникин нашел возможным дать понять Донскому Атаману, что он во всем зависит от него, и что хочет или не хочет он, но ему придется подчиниться ему и подчинить Донскую армию единому командованию. Донская армия к ноябрю месяцу подошла к Царицыну. Царицын был обложен с трех сторон и сообщение его с тылом прервано. Атаман ожидал прибытия тяжелых орудий, которые были куплены в Севостополе у немцев, и за которыми в Севастополь прибыл донской пароход „Сосьете“. Командированный на этом пароходе за орудиями офицер телеграфировал в Новочеркасск:

„Адмирал Канин получил приказание Деникина никому покамест ничего не давать“...

Деникин начинал мстить Донскому Атаману и показывать ему, что все находится теперь в его руках. После длительных переговоров и при содействии союзников, эти орудия удалось получить только к февралю месяцу 1919 г., когда Азовское море замерзло, Донская армия находилась в разложении, и не только нельзя было думать о штурме Царицына, но приходилось спешно убирать войска с Царицынского фронта“... (Стр. 262).

Кто из казаков может без глубокого возмущения и негодования читать эти строки, ярко характеризующие роль русского добровольческого командования?! У кого душа не содрогнется при виде такой деятельности русских людей, от выгнавшего их народа укрывшихся на Казачьей Земле?!

Рассказывают, что русский царь Иван IV Грозный находил удовольствие в том, что своей огромной костью с железным наконечником вбивал в ногу строптивного собеседника, притискивал этим когтем окровавленную ногу живого человека к земле и со спокойным видом продолжал вести беседу... Ударом в висок этим же когтем Иван IV убил своего родного сына. Так и Деникин. Он вбивал в казачье тело свой единонедельмический когтец, а сам, с видом непонятого русского „честного человека“, продолжал вести с казаками „мирную беседу об общих интересах борьбы с большевиками, об общем фронте, об общем представительстве перед Союзниками“ и т. д.

Казачья кровь ручьем текла перед стенами вооруженного дальнобойными орудиями Царицына; казаки, не имея таких же орудий, не могли взять это крепкое гнездо русского большевизма, а русский единонедельнический заржавленный костыль все глубже вгонялся в казачье тело, и русские люди говорили казакам: „Союзники с нами, с русскими! Что, признаете наше главенство, сдаетесь? Пойдете под нашим водительством добывать для нас „Матушку Москву“ и своими трупам устала и своею кровью поливать широкую Московскую дорогу? Не пойдете, так пусть вновь и вновь ручьями льется ваша кровь, пока вы не подчинитесь человеку, которого мы, русские люди, считаем своим и вашим вождем! Без союзного оружия, поступающего только через Деникина, вы не выдержите напора большевицкой России! Не хотите подчиниться немедленно, — что же, мы еще обождем. Нам не плохо в казачьем тылу“... Так, приблизительно, рассуждали все русские люди, поддерживавшие Деникина.

20-го ноября 1918 г. в столицу Кубани — Екатеринодар прибыла Английская военная миссия во главе с генералом Пулем, бывшим перед этим главнокомандующим союзными войсками на Северном (Архангельском) фронте. Настала полоса заискиваний русских людей перед военным представителем могущественной Англии...

Днем позже, как говорит Деникин, „21-го ноября французская миссия сообщила нам о приходе двух дивизий к Новороссийску“... Но десант в Новороссийске не появился, а, взамен того, вскоре начали высаживаться небольшие части союзников в Одессе, Севастополе и Батуме“ (Деникин, IV, 74). Вместо того, чтобы искать поддержки народных масс в борьбе с большевиками, Деникин боролся против этих масс и буквально кланчил помощь у союзников. Он хотел, действуя против воли казачьей массы, опираясь только на предателей Казачества из среды самих казаков, заставить это Казачество идти сражаться с красной Россией за интересы русской белой контр-революции...

Что в это время происходило на Северо-Кавказском фронте?

Наш правый фланг под командой ген. Ляхова, исполняя основную задачу Деникина, продолжал стоять, в общем, на месте. Центральный корпус все еще находился у с. Бешпагир. Он „встретил... серьезное сопротивление“ группы большевиков под командой Гудкова, поясняет Деникин. Этот сильный корпус наших войск „все никак не мог продвинуться вперед“, хотя левее его находившийся корпус Врангеля, как мы видели, много раз в ноябре месяце разбит более сильные отряды большевицкой Таманской армии, взял множество пленников, орудия и пулеметы...

Посмотрим, насколько в действительности были храбры, стойки и непобедимы большевицкие войска, оказавшие так долго и такое серьезное сопротивление корпусу Казановича.

21-го ноября, оставив заслоном на своем фронте одну из дивизий, генерал Врангель другой дивизией и бригадой „на рассвете 22-го ноября атаковал у села Спицевки красных, действовавших против корпуса Казановича, в тыл. Противник был разбит наголову. Мы захватили 2 тысячи пленников, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. 1-ый армейский корпус ген. Казановича 22 ноября подошел к реке Калаус“, рассказывает Врангель (Записки, т. I, стр. 95).

Таким образом, достаточно было пустить в дело только часть корпуса Врангеля, чтобы разбить центральную группу войск противника наголову и взять такую огромную военную добычу и 2 тыс. пленников. Деникин, говоря об этом бое, тоже признает, что „группа Гудкова была смята и, теряя пленников (более 3-х тысяч) и орудия, бросилась на восток“ (Ден., IV, 106).

Все хорошо понимают, что значит на военном языке „противник разбит наголову“ (слова Врангеля) или „группа была смята и... бросилась на восток“ (слова Деникина). Как видим, и центральная группа большевиков была разгромлена Кубанскими казаками за один день, хотя это произошло по инициативе ген. Врангеля, ко-

торый мог и не знать тогда еще о намерении Деникина — подольше держать большевиков на границах Кубани.

Через два дня, 24-го ноября, корпус Врангеля снова разгромил большевиков у села Пегровского. При этом захвачено было „1500 пленников, 30 пулеметов и батарея в полной запряжке“, повествует Врангель об этой новой победе Кубанцев (Врангель. Записки, т. I, стр. 95).

О чем свидетельствуют эти блестящие и непрерывные победы Кубанского корпуса под командой Врангеля? Она говорят не только о доблести Кубанцев, но и о деморализации сил противника.

О сложности кровавой игры, которую в это время вело русское командование казачьими войсками, свидетельствует и следующий факт, о котором говорит Врангель: „Я получил телеграмму от главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством за отличия в генерал-лейтенанты“ (Вранг., I, 96). „Что же случилось? Блестящие победы имеются налицо, русская пресса и русские агенты всюду „трубят славу трубой“ о победах этих славных „русских храбрых добровольцев“. Словом, русский народ просто рвется в бой с „захватчиками власти — большевиками“, и русские добровольцы уже имеют такие блестящие успехи, и этих русских добровольцев так много, и они так храбры, что за 4-ре дня захватили 11 пушек, 70 пулеметов и 3500 пленников!

Все в порядке, казалось. Русские белые акции растут на европейской бирже, Деникин ищет помощи у союзников, ибо „остаётся только толкнуть немного большевицкое государство, — и оно распадётся в прах“.

Но почему против Дона наступает 120-130 тысячные русские армии, не казачьи или украинские, а настоящие, русские?! Но почему, минимально оценивая силы, 10-ти тысячный корпус генерала Ляхова целый месяц стоит на месте? Почему 7-ми тысячный корпус Казановича, как заколдованный, топчется в виду г. Ставрополя? Почему тот же корпус Врангеля буквально размотал и разгромил большие силы Таманской армии, отступившей на северо-восток от г. Ставрополя! Почему тот же корпус Врангеля 22-го ноября разгромил группу большевицких войск Гудкова, против которой будто бы бессилен корпус Казановича?

Почему Деникин действует только корпусом Врангеля, хотя впереди этого корпуса безводные и пустынные Астраханские пески тянутся на сотни верст, а впереди корпуса Ляхова находится богатый Терек, где под русской красной пятой мучатся живые казачьи станицы, где находятся богатые Грозненские нефтяные промысла, дающие так необходимое для Дона, для Кубани, для Ставропольской губернии и такое дорогое минеральное топливо? Ведь не сыпучие бесплодные пески надо освобождать поскорее, а кровью истекающие, страдающие станицы! Ведь песком сыпучим не пополнить боевые ряды наших войск, а только храбрыми Терскими казаками...

Перед Казачеством стояла простая и ясная задача: поскорее освободить Терек. Для этого, не теряя ни одного дня, наступать вперед, на помощь братьям терцам, вперед с Кубанским сильным корпусом генерала Ляхова! Вперед с корпусом Казановича! Поскорее освободить казачьи станицы, поскорее пополнить ряды за счет новых бойцов издавна храброго Терка и ринуться на север, на помощь Войску Донскому, против которого так ополчилась „вся Русь святая“, против которого она направила жерла 450 орудий, дула 100 тысяч винтовок и ленты 2-тысяч пулеметов...

А вместо всего этого, корпус Ляхова, стоит целый месяц в пределах Кубани, корпус Казановича передвигается между р. Калаусом и г. Ставрополем, на Дон Деникин не пускает орудий из Севастополя; и только корпус Врангеля действовал энергично, сам Врангель уже генерал-лейтенант за отличия... Но почему его корпус направляют в сторону песков безводных? Почему льется казачья кровь на самом ненужном для большевиков и не опасном для них направлении? Все одно большевики не могут наступать от Царицына через Маньч на Кубань и в разрез между Доном и Кубанью, ибо 30-ти тысячная большевицкая армия Донской казачьей

армией буквально скована в самом Царицыне и не только не может двинуться на Кубань, а готова спастись бегством из Царицына на север и на восток.

Если бы в это время кубанская помощь была брошена к Царицыну, этот город, без сомнения, был бы взят, и не пришлось бы Донским казакам уходить за Донец и за Маньч, и не пришлось бы потом Кубанцам, Терцам и Донцам проливать понапрасну столько крови при ликвидации весеннего (1919 г.) прорыва X-ой армии большевиков из Царицына через р. Сал, через Маньч, и вступивших тогда в пределы самой Кубани, не пришлось бы положить столько жертв при взятии Царицына в 1919 году.

В конце ноября корпус Врангеля снова разбил большевиков у Николиной балки, Предтечи и Винодельного и очистил от большевических войск Приманычские степи. В ноябре, как мы констатировали, этот корпус одержал много блестящих побед над большевическими войсками, забрал тысячи пленных, большое число обозов, много орудий, пулеметов и очистил от большевических войск большие просторы Ставропольской губ.

Таманская армия была разгромлена окончательно. Суммируя результаты ноябрьских боев своего корпуса, генерал Врангель говорит:

„Огромная, погпавшая в наши руки после разгрома Таманской армии, добыча дала возможность полностью снабдить всем необходимым части, создать полковые, дивизионные и корпусные запасы“ (Вранг., I, 98).

О состоянии своего корпуса Врангель пишет:

„За последние три месяца части корпуса пополнились. Освобожденная Кубань дала в полки значительные пополнения и, несмотря на большие потери в непрерывных боях, боевой состав частей стал вполне достаточным“ (там же, стр. 97).

Успехи этого Кубанского корпуса характеризуют доблесть и могучий боевой порыв Кубанцев! Разгром Таманской армии свидетельствует о слабости противника. Значительные пополнения с Кубани говорят о желании самой толщи казачьего населения покончить поскорее с большевическим нашествием на Казачьи Земли. Все это неопровержимые факты.

Та же беззаветная храбрость, вне всякого сомнения, была присуща и другим Кубанским частям, которые входили в состав корпуса ген. Казановича и корпуса ген. Ляхова. И для этих корпусов Кубань дала своих храбрых сынов. Кроме того, в корпусе ген. Ляхова, как мы видели, находились 3-4 тысячи Терских казаков, прорвавшиеся к Кубанцам после захвата Терьки большевиками поздней осенью того же года. Терцы буквально рвались к своим станицам, чтобы поскорее выгнать оттуда большевических палачей и избавить своих отцов и матерей, своих братьев и сестер, своих жен и детей от большевического ига...

Но русские люди засели в столице Кубани и старательно опутывали Казачество своими „белыми“ сетями, опираясь на помощь Союзников и предателей из среды самого Казачества. Вследствие всего этого, корпус ген. Ляхова все-таки продолжал оставаться на месте и в декабре месяце. „На всем фронте изо дня в день шли бои, типичные для „малой войны“, говорит Деникин, при чем „оперативные сводки отмечали перемежающиеся успехи и неудачи — переход из рук в руки станиц Боргустанской (Тер. обл.), Суворовской (Куб. обл.) и Ворковской (Куб. обл.)“ (Деникин, IV, 109).

Поставленная Добровольческим командованием цель — давить большевическую угрозу на Кубанскую Краевую Раду и не давать помощи Терьке и Дону, пока они не склонят покорно головы перед русским белым диктатором, — принесла свои, гибельные для казаков, плоды. Большевическое командование умело использовало бездействие корпуса Ляхова в течение всего ноября месяца и слабые действия корпуса Казановича.

„Новые мобилизации и подкрепления, прибывшие из Астрахани и с Терьки, усилили XI армию“, говорит Деникин (IV, 108).

Закончив подготовительную работу на Северном Кавказе и сосредоточив огромные силы против Дона (см. выше), главнокомандующий большевическими армиями, 5 декабря 1918 г., поставил следующую задачу для Северо-Кавказского большевического фронта:

„Базируясь на Пятигорский район, наступать вдоль Владикавказской желез. дороги“. Ближайшей целью здесь было также оказание содействия X-ой армии (занимавшей Царицын) наступлением XI-ой армии в общем направлении на Армавир-Тихорецкая. Одновременно преследовалась цель — сковать Добровольческую (Кубанскую) армию, а затем сокоупными усилиями всего Южного фронта и XI-ой армии... поразить сразу обоих противников, т. е. Добр. (Кубанскую) армию и Донское войско, наступлением с северного, северо-восточного и восточного направлений“ (А. И. Егоров. Разгром Деникина. Москва. 1931. Стр. 75).

И действительно, большевики повели наступление на всем Донском фронте и против наших войск на Северном Кавказе. 5-13-го декабря они наступали против нашего левого фланга наскоро собранною группой войск, силою до 15-ти тысяч человек, но в боях у Кистенского-Дербетовское, у Овоши, в районе Барханчака эта большевическая группа была скоро разбита Кубанским корпусом Врангеля и отброшена в Астраханские степи. Наш центральный корпус ген. Казановича, отступал перед большевическими войсками, „неся большие потери“ (Деникин). В направлении Влад. жел. дороги большевики развили небывалый артиллерийский огонь, но наступление их было сдержано Кубанцами и горцами. На нашем самом правом фланге большевики ворвались на территорию Кубани и быстро продвигались к Баталпашинску.

Кубанцы всюду развили эту новую большевическую волну, грозно поднимаясь, чтобы залить Кубань, но при этом понесли значительные потери, особенно в корпусе Казановича. Так снова и снова совершенно излишне, совершенно понапрасну лилася казачья кровь, исключительно благодаря общему руководству нашими войсками со стороны русских генералов, ради своих, русских целей задержавших уже 4-ый месяц окончательную ликвидацию большевических войск на Северном Кавказе. Такая генеральская политика давала возможность большевическому командованию снова и снова мобилизовать население при помощи немногочисленных, еще верных большевикам, войск и бросать это вооруженное население против нашего фронта.

События на фронте и в тылу так тесно переплетались, что мы принуждены теперь снова отметить некоторые факты из жизни „тыла“, чтобы для нас были более понятны события на фронте.

5-го декабря 1918 г. Кубанская Краевая Рада, правда, незначительным числом голосов, избрала снова сторонника генерала Деникина, ген. Филимонова, на высокий пост Кубанского Войскового Атамана. Заявления Союзников о том, что они будут оказывать свою поддержку только ген. Деникину, тогда еще непонятная для Рады задержка Деникиным большевического фронта на границах самой Кубани, интенсивная работа в самой Раде сторонников единой России, неорганизованность и сравнительная слабость действий самостоятельных в Кубанской Раде, их совершенно неясная и непонятная линия поведения во время выставления кандидатур на пост Куб. Атамана и другие причины дали весьма печальные результаты для всей будущей кровавой борьбы Кубани и всего Казачества. В эти трагические дни, когда красная Россия атакывала Казачество своими огромными армиями на фронте, когда белая беженская Россия, опираясь на союзников и своих сторонников из казаков, опутывала Казачество в тылу и предавала его на противобольшевическом фронте борьбе, во главе Кубани уселся ген. Филимонов, прославивший себя низкопоклонным служением русским генералам-беженцам. Деникин и все русские люди в праве были праздновать серьезную победу над Казачеством.

Оставалось сломить упорство Донского Атамана Краснова.

Немедленно после выборов в Атаманы, ген. Филимонов отправился на охоту вместе с представителем Англии, генералом Пулем и некоторыми русскими генералами. О чем они там говорили, нам не известно, только по возвращении с этой „охоты“ ген. Филимонов, отвечая в Куб. Раде на тревожные вопросы, почему он не издал немедленно приказа об организации Кубанской армии, туманно ответил, что он много сделал для организации защиты Кубани от большевиков. А 7-го декабря ген. Пуль обратился с письмом к Донскому Атаману Краснову и в этом письме, между прочим, писал следующее:

„Инструкции от моего правительства указали мне войти в связь с генералом Деникиным, представителем в Британском мнении Русских Армий, действующих против большевиков. Поэтому я сожалею, что для меня невозможно облечь признание какого либо другого офицера таковым представителем... надеюсь, что Ваше Превосходительство теперь покажет себя не только великим солдатом, но и великим патриотом... что согласитесь служить под командой Деникина“.

(Цит. выше статья П. Краснова, стр. 277-78).

Этот документ свидетельствует, во-первых, о том, что представитель Великобритании всецело и открыто поддерживал ген. Деникина, согласно инструкций своего Правительства, во-вторых, о том, что он, ген. Пуль, используя свое, понятное при тех объективных условиях, огромное влияние, настаивал на подчинении и Дона генералу Деникину. Появление же этого письма немедленно после избрания ген. Филимонова в Атаманы Кубани и после поездки его с ген. Пулем на охоту, свидетельствует о том, что Кубанский Атаман, сам добровольно фактически подчинившись русскому генералу Деникину, оказывал помощь русским людям, чтобы в такое же положение поставить и Донского Атамана.

Помощник и главный гражданский советник Деникина, проф. К. Н. Соколов, с своей стороны, свидетельствует, что

„Донскому Атаману было дано понять, что его армия будет получать снаряжение только

через ген. Деникина. Прижатый к стене, ген. Краснов капитулировал“.

(К. Н. Соколов. Правление Деникина, стр. 65).

Еще недавно (13-14 ноября) Донской Атаман Краснов категорически отказался подчиниться ген. Деникину, а теперь уже менял фронт. Чтобы выяснить позицию Донского Атамана, представитель Кубанского Правительства, П. Макаренко, по поручению Куб. Правительства, обратился с соответствующими вопросами непосредственно к Донскому Атаману П. Краснову. Последний ответил письмом, в котором говорил, что Россия должна быть единой неделимой, что „остается столкнуться Дону с Добровольческой армией“ и идти вместе по одному пути, потому что цели их одинаковы: — единая неделимая Россия“.

(П. Н. Краснов. Цит. выше его статья, стр. 263).

Само собою понятно, генерал Краснов никогда не был самостийником, его оппозиция Деникину объяснялась мотивами личного, а не принципиального характера. Можно ли представить большее несчастье для казачества, как то, что в период напряжения им всех сил в борьбе с Россией, во главе его стояли генералы, преданные только России!

13-го декабря на станции Кушевка (пограничная между Доном и Кубанью) состоялось свидание ген. Пуля с Донским Атаманом Красновым. При этом свидании представитель Англии снова настаивал на подчинении Дон. Атамана генералу Деникину.

16-го декабря в той же Кушевке Донской Атаман встретился с бывшим русским министром иностранных дел С. А. Сазоновым и представил ему ген.-лейт. Свечина, ген.-майора Герасимова, члена Б. В. Круга Г. И. Карева и г. Павлова, назначенных Донским Атаманом как „Донская Советательная Комиссия при Сазонове, отправляющемся в Париж, как представитель Дона и Добр. армии“.

(Краснов, цит. статья, стр., 284).

18 декабря вступило в отправление своих обязанностей вновь составленное Кубанское Правительство Ф. С. Сушкова, состоявшее из сторонников ген. Деникина.

Россия явно побеждала Казачество.

(Продолжение следует).

Ген. Т. Стариков.

Организация

вооруженных сил самостоятельного государства Казакии.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Издrevле на Дону обитали вольные люди, которые сами себя называли вольными казаками. Так в старое время называли их и в Москве. Так называли их и русские историки, в отличие от казаков городовых, подчиненных Москве.

Условия жизни в степях, непрерывная вооруженная борьба с соседями выковали из казаков особых людей, с особой психологией и с особым мировоззрением. У них была своя мораль, свои духовные, им одним присущие, особенности, свой быт, свои нравы и обычаи. Они создали для себя жизнь на началах равенства и свободы. Государственное устройство казаков отличалось от всех соседних государств. В основание его было положено народоправство.

От общего казачьего корня произошли и другие вольные или независимые Войска-республики: Яицкое, Волгское и Гребенское. С давних времен эти независимые Войска-республики боролись за свою самостоятельность с окружающими их соседями: татарами, киргизами, горскими народами. Особенной жесткостью и особенным напряжением отличалась борьба с Москвой.

Борьба с Москвой закончилась в пользу Москвы. Петр I разгромил казачье народоправство и подчинил казаков себе...

Но вот началась русская революция. Казаки, верные идеалам свободы и народоправства, приверженные

ли ее, вернули старые, испытанные веками, основы своей жизни, восстановили Круги, Раду, выбрали ответственных перед ними Атаманов и правительства, утвердили свои основные законы, объявили свои самостоятельными государствами. Но началась жестокая, упорная, беспощадная борьба с коммунистической властью. Сломлены были казаки. Но для этого большевикам, как и Петру I, понадобилось уничтожить чуть не половину Донских казаков, почти поголовно истребить Уральских (Яицких), залить кровью остальные казачьи Войска...

Здесь, в эмиграции, создано политическое течение, которое поставило себе своей задачей продолжать дело, начатое там, дома, дело освобождения Казачьих Земель от новых завоевателей.

Эта мысль крепнет и там, в Казачьих Войсках. И там не видят иного выхода из создавшегося положения, как осуществление самостоятельной государственной жизни.

Вопрос экономических возможностей независимой государственной жизни Казачества обсуждался много раз уже в казачьей печати, стоящей на точке зрения казачьей самостоятельности, и решен в положительном смысле. Но есть ли возможность самостоятельного существования казачьего государства с военной точки зрения? В состоянии ли казаки защитить себя, отстаивать свою независимость?

Для этого есть только одно верное средство —

сила оружия. Вопрос о казачьей армии уже поднят в Праге бывшим командующим Донской армией генералом Сидорыным, но под несколько иным углом зрения, чем это представляется нам, вольным казакам.

Вольное Казачество ведет проповедь о том, что будущее казачье государство должно быть создано из всех шести европейских казачьих Войск. Мы же, благодаря отсутствию на руках статистических и иных сведений об Оренбургском и Уральском казачьих Войсках, будем говорить только о той территории, на которой расположены Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи Войска и губ. Ставропольская и Черноморская, и только по некоторым общим для всей Казачьи вопросам, будем давать сведения и о Приуральских Войсках (Оренб. и Уральское).

О создании казачьих вооруженных сил на указанной территории и будет идти в дальнейшем речь.

Вопрос этот чрезвычайно сложный. Им заняты в государствах не отдельные лица, а целые ведомства. Вопрос же о создании казачьей армии еще более усложняется в силу неясности многих положений. Но, тем не менее, этот вопрос надо поставить. Надо, чтобы казаки подумали над ним заблаговременно.

Настоящая краткая работа совершенно не претендует и не может претендовать на всестороннее освещение этого вопроса. Она имеет целью только настаивать этот вопрос, только затронуть некоторые его положения, только пробудить интерес к нему.

Необходимо еще предупредить, что работа эта предназначается для широкого круга читателей, а не для лиц, широко знакомых с военным делом. По возможности, изложение будет носить популярный характер, и поэтому поневоле придется останавливаться на некоторых деталях, понятных осведомленным людям с одного слова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Общие понятия об армии и системах вооруженных сил.

Глава I.

Армия как выражение духовных и материальных сил государства.

Существующие ныне государства отличаются друг от друга многими своими особенностями: государственным устройством, размерами территории, количеством населения, степенью культуры и просвещения, способами ведения хозяйства, экономической мощью, психологическими свойствами народа и пр. Все эти данные, взятые вместе, составляют как бы лицо государства, его природу.

Есть государства великаны, есть карлики, монархии и республики, богатые и бедные, просвещенные и мало или совсем не просвещенные.

У каждого народа, населяющего то или иное государство, есть свои психологические особенности, свой быт, свои нравы, свой характер... Различаются народы и их государства и воинскими дарованиями, и еще, может быть, в большей степени отличаются они друг от друга военной своей мощью. Есть государства, обладающие большим военным могуществом, и есть слабые, силы которых исчисляются 2—3 дивизиями и даже того меньше.

Военное могущество государства составляется из его „политико-экономической мощи и военной системы“. Под последней разумеются способы или, вернее, характер организации вооруженных сил.

Вооруженные силы организует государство, готовит их, снабжает материальной частью и всеми видами военной техники. Сама армия является отражением всех духовных и материальных сил государства.

Создание армии зависит от многих условий: от устройства государства и общества, от степени развития народного хозяйства, сельского хозяйства, промышленности, техники, путей сообщения, финансов, от степени просвещения народа, от его психологических свойств и от географического положения страны.

Как видим, армии отражают в себе как раз именно все то, чем разнятся государства друг от друга. Поэтому и сами армии любой страны глубоко отличаются от армий других стран, отличаются в той же степени и мере, в какой отличаются друг от друга и сами государства, и населяющие их народы.

Армии, созданные в монархических странах с самодержавным и даже с конституционным образом правления, почти всегда носили как бы кастовый характер; командный состав и, особенно, его верхи набирались по преимуществу из привилегированных сословий, которые по своим политическим воззрениям ревностно служили монарху. Ветсьстрой армии (особенно постоянной), воспитание, традиции — носили характер единства, клонились к единой цели — служению главе государства, его императору, царю, королю, князю. Так было в России и, в большой степени, в Германии и Австро-Венгрии до Великой войны. В известной степени такой же характер основных положений армии остался и ныне в некоторых монархических странах (Англия, Югославия и др.).

В республиках с широким народоуправством, т. е. в странах демократических, и сами армии носят демократический характер. Там если и может быть каста, то только как профессия и только среди постоянного, кадрового состава армии. Происхождение не имеет значения. В армию идут там все, кто хочет, и кто чувствует призвание к военной службе. Армия носит всеобщий характер и, служа под знаменем республики, воспитывается в духе служения народу, а не главе государства. В такую армию легко проникают идеи различных политических течений, и она уже не может быть в моральном и политическом отношении единой, не представляет монолита.

Основные отрасли труда имеют огромное влияние на характер армии. В странах земледельческих в армии будет подавляющее большинство крестьян, в странах промышленных в армии много будет рабочих. А мы знаем, как глубоко расходятся земледельцы и рабочие по своим взглядам, по духу, по политическим убеждениям. Землеробы привязаны к своему куску земли, к своей деревне, где род их живет с давних времен. Они собственники, глубокие патриоты, в большинстве случаев националисты, более постоянны в своих убеждениях, религиозны, нравственны. Армия, составленная из земледельцев, труднее может быть распространена и разложена; следовательно, она более устойчива, более постоянна, вынослива, более упорна.

Рабочие не знают собственности. Чувство родины у них менее развито, чем у крестьян. Они почти всегда социалисты и в большой мере интернационалисты, легко поддаются пропаганде, легко могут быть восстановлены против командного состава. Армия, составленная из рабочих, может быть боеспособна только порывами, моментами; постоянства, упорства в такой армии не будет. Но рабочие более пригодны для службы в технических частях, чем хлеборобы.

Следовательно, в странах с развитой промышленностью или с преобладанием сельского хозяйства, армии будут различны, а элементы, составляющие их, будут иметь различные характеры и различные политические и социальные устремления. Ясно, что должны быть различны и методы воспитания и обучения в таких армиях. Их дух и характер будет не одинаков. А раз так, то и все руководящие начала будут разные.

Страны с развитой промышленностью и техникой могут неизмеримо легче снабдить свою армию всеми необходимыми техническими средствами, тогда как страны с отсталой промышленностью не могут легко дать армии все то, что она при современном состоянии военной техники должна иметь. Поэтому поневоле и армия такой страны должна быть в техническом отношении отсталой, что сильно скажется на ее мощи и до некоторой степени на ее боеспособности.

Страна с развитой внутренней и внешней торговлей имеет больше финансовых возможностей, чтобы вооружить и снабдить свою армию всем необходимым. Государство, имеющее развитую сеть железных дорог, легко и быстро может производить мобилизацию

своей армии, своевременно подвозить к месту боя боевые и продовольственные припасы и тем создавать возможности для успеха. Дух такой армии неизбежно будет выше, веры в победу больше. А все это, вместе взятое, отражается на боеспособности армии.

Сильнейшее влияние оказывает на армию просвещение страны. Современные технические средства, необычайная сложность всего военного дела требуют огромного количества образованных людей, которых может дать только просвещенная страна, просвещенный народ.

Уже из этого краткого изложения видно, как отражаются на армии политическое и экономическое состояние страны и ее просвещение. В дальнейшем изложении к этим вопросам придется возвращаться не один раз. Необходимо, чтобы казаки твердо усвоили, что все эти вопросы имеют глубокое значение для создания армии, глубокое влияние на обороноспособность народа, края, государства, что теперь уже нельзя защищать родину армиями, примитивно организованными, плохо снабженными и обученными.

(Продолжение следует).

Еф. Якименко.

Когда появилась самостийность.

(Доклад, прочитанный 15 октября с. г. в Тулузе).

Встречаясь с казаками на собраниях, в частной жизни или при других обстоятельствах (на работе), всегда в той или иной степени приходится вести разговор о казачьих делах, о казачьем настоящем и о казачьем будущем.

Всем казакам известно, что среди нас нет единства. Все эмигрантское казачество можно разделить на два противоположных лагеря: лагерь казаков русского мышления и лагерь чисто казачьего, сепаратистического или национального мышления.

Какая разница между этими двумя лагерями?

Так часто раздаются голоса среди казаков: забудем все, бросим политиканство, будем едины; магические слова — Войско, станица, казак — всегда объединяют нас.

Как в жизни отдельных народов, так и в жизни отдельных личностей есть события, к которым народ или отдельная личность всегда готовится; более предусмотрительно делают те, которые готовятся не только к событиям, но и к тому дню, который непосредственно наступит после этих событий. Призывы к единению нельзя не приветствовать, ибо в единении сила. Слушая призывы к объединению, часто призывающему ставят вопрос: а что же дальше? Призывающий затрудняется ответить. Значит, он не готов к завтрашнему дню, он не готов к тому дню, который наступает вслед за событиями.

Эти несколько строк чисто информационного характера я привел для того, чтобы представить логический порядок вещей, который существует с тех пор, как существуют люди, со своими государствами и общественными потребностями.

Я поставил вопрос о той разнице, которая существует между двумя казачьими лагерями, но чтобы уточнить вопрос, поставлю его иначе: что представляет собою каждый лагерь в социальном и политическом смысле?

Русская эмиграция делится на несколько политических лагерей. Для наглядности главные из них можно перечислить.

1. Младороссы — суть монархисты, приверженцы в. к. Кирилла Владимировича, объявившего себя императором Всероссийским — за границей. 2. Монархисты-рейхенгалцы, т. е. монархисты, собиравшиеся на съезд в Германии и порешившие, что в России должна быть абсолютная монархия. 3. Общевоинский Союз — верные заветам в. кн. Николая Николаевича, — тоже монархисты, но прикрывающиеся „непредрешенством“.

Далее идут: Гукасов, правого толка, со своей газетой „Возрождение“ (Между Гукасовым и Общевоинским Союзом большой разницы, очевидно, нет). Республиканские течения в эмиграции представлены Милюковым, Керенским и др., более мелкими. Наконец, так называемая третья эмиграция — Беседовский. Правда, последнее течение не сливается с остальной эмиграцией, и в этом лагере казаков несомненно нет.

Какое отношение имеет к казакам это перечисленные русских группировки?

А вот какое.

У Младороссов — полковник Чапчиков (донск. казак), у рейхенгалцев — генерал Краснов (бывш. Ат.

В. В. Д.), хотя он также стоит и на „заветах верховного вождя“.

В Общевоинском Союзе — ген. Богаевский, ген. Науменко и др.

У Милюкова — Скобцов, Марков, Мельников, Харламов и др. (Список перечисленными лицами далеко не исчерпывается).

Часть казачьей старшины, оставив казаков, сошла с казачьей дороги и пошла по дороге русской партийности. Нормально ли это с точки зрения казачьей? Можно ответить и да и нет.

Да — потому, что не в далеком прошлом, живя одною политической жизнью с русскими, так или иначе участвуя в политической жизни России, казаки очутились в лагерях разного мышления. Нет — потому, что было время, когда Казачество вышло на свою казачью дорогу, отмежевавшись от партийности, разделив русских. И вот поэтому лично я считаю совершенно ненормальным, что некоторые казачьи верхи входят в политические группировки русских, ведя туда и казаков, которые часто, по своей неопытности и неискренности в политическом мышлении, идут туда, не отдавая себе отчета, что идут они не по казачьей дороге.

Верхи же казачьи знают, что делают. Ведя казаков по дороге русских политических группировок, они знают, что служат не казачеству, а вождям той или иной группировки.

Как же относятся к казакам русские политические группировки?

Лично я отвечаю — никак.

Для русских, всех политических групп, казачьего вопроса не существует.

Для монархистов казаки — хорошие солдаты, отличный боевой материал и только.

Для республиканцев — никаких казаков, — все граждане должны быть равны.

Даже там, в Общевоинском Союзе, куда усиленно заывают казаков ген. Богаевский и Науменко (который устами полковника Соламахина говорит: „наш бывший и будущий союзник Об. В. Союз“), даже там казачий вопрос стоит безнадежно плохо: никакого казачьего вопроса для этого „бывшего и будущего союзника“ — нет.

Года три тому назад в Париже было совещание генералов и старших офицеров. Присутствовали, конечно, и казаки. Во время совещания разговор соскользнул на казачий вопрос. И вот поднимается идеолог Общевоинского Союза и „русского воинства“ вообще, ген. Драгомиров, и заявляет: „Никакого казачьего вопроса — ни одной копейки казакам“.

Конечно, остается только поблагодарить за столь откровенное и прямое признание.

В истории государства Российского казаки играли заметную роль, расширяя, укрепляя и оберегая ее границы. Ведь не просто же было сказано, что границы государства Российского держатся на арчаке казачьего седла. Значит, казаки — неха заметная, раз на арчаке их седла держалась граница, и эта заметная ве-

ха, казалось бы, должна была бы „маячить“ в поле зрения любого политического деятеля русской эмиграции. Однако, этого нет.

Если в Общевоинском Союзе сказали, что для них казачьего вопроса нет, то другие просто удивляются, что казачий вопрос может существовать.

И в самом деле, пусть каждый пороется в своей голове: читал ли кто либо статью о казачестве в русской прессе, вышедшую из под пера русского журналиста? Конечно, нет. Все явления, как младоросское или пореволюционного поколения и пр., обсуждаются на страницах русской прессы, тогда как о казаках — ни слова. Правда, за последние годы появилось много статей по казачьему вопросу, но их писали казачьи журналисты, ругая самостийников (русские газеты не предоставили бы места казачим журналистам, если бы те вздумали писать на какую либо другую тему по казачьему вопросу). Если бы, к примеру сказать, Милюков разрешил Харламову говорить на страницах „Последних Новостей“, разбирая какой либо казачий вопрос чисто идеологического порядка, что бы это значило?

А это значило бы, что политическое течение, возглавляемое Милюковым, создает у себя „казачий вопрос“. На это он, Милюков, никогда не пойдет. Милюков признал советскую власть русской властью (см. „Посл. Нов.“ № 3999 от 4 марта с. г.), но он никогда не признает права за казаками не только на самоопределение, но и на федерацию, и даже избегает самой мысли о возможности существования казачьего вопроса. Нужно помнить, что в лагере Милюкова, который высказал свое отношение к сов. власти, есть казаки.

Отношение младороссов к сов. власти вот какое. Один из младороссов, г. Владимиров, на собрании в Париже заявил: „Если красная армия вступит в войну, она будет защищать не власть, а Россию, и мы должны быть с нею“.

Приведенное выше в комментариях не нуждается. Оно говорит само за себя, и казакам из лагерей Милюкова и Кирилловцев нужно об этом крепко подумать.

Могут, конечно, возникнуть возражения, что в прошлом было по иному. Может быть, в самом деле, в прошлом были другие взгляды?

Приведу несколько примеров из недавней истории для того, чтобы констатировать, что ничто не изменилось, и такое отношение к казакам со стороны русской эмиграции — явление далеко не случайное.

В „Кубанском Календаре“, изданном ген. Науменко, напечатана „Краткая историческая справка о Кубанском Войске“; в этой справке имеются такие строки, которые не бесполезно будет процитировать:

„Как указал в 1861 г. император Александр II, „казачье сословие“ русским правительством рассматривалось, как элемент, необходимый для охраны границ и заселения отнимаемых у враждебных племен земель. С окончанием войны на Сев. Кавказе, граница государства отодвинулась далеко на юг; отнятые у горцев земли были заселены казаками. Теперь перед правительством возник вопрос — нужно ли казачество? Судя по дальнейшим мероприятиям прав-ва, вопрос был

решен отрицательно. Храброе, хотя и малочисленное, Азовское войско указом от 10 октября 1865 г. было расформировано, а остатки его были переселены на Кубань. На Кавказе произошло слияние Ливейного и Черноморского Войск, при чем часть казаков была переведена на положение крестьян и причислена к Ставропольской губ. Примерно в тот же период уничтожается Енисейское Войско, — казаки обращаются в крестьян. Однако, совершенно уничтожить казачество, как таковое, не представлялось возможным. Тогда были приняты меры для уравнивания его в правах и слияния с остальным населением империи.

Вот как говорит по этому поводу в 1907 г. официальный историк Военного Министерства. Очень хорошо известно, как был разрешен этот вопрос в шестидесятых годах прошлого столетия (решено было уничтожить „казачье сословие“. Е. Я.). Казачество сохранило свое существование, но вместе с тем были приняты меры к тому, чтобы приобщить быт и устройство этого сословия к тем условиям жизни, в которые было поставлено все население империи. Наиболее широкие меры были приняты к тому, чтобы в отношении управления и суда на казаков были распространены общие порядки; изменен был и порядок воинской повинности казаков, при том с нарушением даже издавна принятых у казаков принципов“. (См. „Кубанский Календарь“ 1931 г. изд. об-ства Вольная Кубань).

„В тот же период, т. е. по окончании Кавказской войны, на восточном берегу Черного моря образовался Черноморский округ, который вначале был подчинен Кубанскому Атаману, но со временем возник вопрос, как быть с этим округом дальше: присоединить его к Кубанской Области или образовать особую губернию? Министерство Внутренних Дел ответило, что оно не считает вообще казаков способными к колонизации, а потому высказалось за учреждение особой губернии“... Так рассказывает ген. Кокунько в своем очерке, помещенном в книге „Казачество“, изданной ген. Богаевским.

Приведенных примеров достаточно, и я вернусь к вопросам, поставленным в начале этой главы. Я уже рассмотрел, что собою представляют казаки российского мышления. Они раздроблены на политические группировки, как и русская эмиграция.

Едина ли русская эмиграция? Отвечаю — нет.

Едины ли казаки, идущие за своими вождями, входящими в политические группировки русских? Тоже отвечаю — нет, ибо там единства не может быть, так как идут они не по казачьей дороге, а идут за теми вождями, в программе которых казачьего вопроса не существует, и вряд ли он там вообще будет существовать.

Едины ли казаки, стремящиеся к созданию ни от кого не зависимого казачьего государства? Отвечаю — едина, так как цель ясна: путь по казачьей дороге к возрождению Вольного Казачества, к созданию казачьей державы на старых казачьих традициях правды и братства.

(Окончание следует).

Сибирские самостийники.

Под таким заголовком в „Посл. Новостях“ (в номере 4623 от 18 ноября с. г.) напечатано интересное „письмо из Харбина“ г. Н. Лидина, не безинтересное для всех самостийников.

Конечно, „П. Н.“ и их сотрудинок Н. Л. являются большими противниками самостийных течений вообще и рассчитывать на объективную информацию их в данном вопросе не приходится, но тем не менее, кое что вычитать можно и у них. Мы и познакомим своих читателей с некоторыми выдержками из письма г. Лидина:

„С самого начала пришествия в сев. Манчжурию японцев, среди дальневосточной эмиграции начался процесс самоопределения... Процесс этот все еще в стадии оформления и выявления новой идеологии... — Около двух лет тому назад в Харбине образовалось общество сибиряков... Общество ставило задачи культурного порядка, воздерживаясь от выявления своего политического лика... Но выявить лик, вернее, тенденции, которыми охвачены члены общества сибиряков все таки пришлось... — Касаясь будущего Сибири, Прищепенко пришел к выводу, что в некоторые исторические периоды возникает необходимость для блага нации предпринимать совместно с кем либо из доброжелательных соседей военные действия против существующей власти... Мысль докладчика (Прищепенко) — отделение Сибири от России, идея образования независимого сибирского государства, была подхвачена другими... Сибирское самостийничество, сибирский сепаратизм на этом собрании обосновывали две фигуры, игравшие большую роль в недалеком прошлом... бывшие министры омского правительства М. Головачев и П. Михайлов. Исходные точки у обоих тождественны: отделение Сибири от России.

Еще одно свидетельство.

(К 14 летию со дня казни А. И. Кулабухова).

20 ноября исполняется 14 лет с того страшного дня, когда московскими барамы силою оружия приостановлено развитие государственной жизни Кубани. На исторической крепостной площади в г. Екатеринодаре был повешен член Рады и член Парижской делегации А. И. Кулабухов.

Палачи Кубани считают, что в интересах „Магушки России“ поступили правильно.

Русскими барамы, повесившими казацкую волю, существенно поддержку оказали и свои кубанцы, главным образом из тех, кто всегда считал себя „истинно русским“ человеком, и что главное назначение и сущность казака — „послужить“... Замечательно то, что еще и теперь эти кубанцы считают (и об этом открыто говорят), что кубанское казачество разделяло действия ген. Покровского и его помощников из Кубанцев: ген. Науменко, Скобцова и др., т. к. не проявило никаких протестов; особенно, мол, послушной была бригада, расквартированная в станице Пашковской.

Не так давно я встретил здесь одного подхорунжего, который в те страшные дни был вахмистром 2-й сотни 3 св. Куб. полка. Вот что рассказывает он о тех днях:

„3 св. Кубанский полк, входивший в состав 1 Кубанской каз. дивизии, в конце октября прибыл на отдых в ст. Пашковскую. Полк был весьма малочисленным, как и вся дивизия, т. к., благодаря „опытному военачальнику“ (Покровскому), потери людьми были всегда огромны.

Придя на отдых, казаки ни о чем не думали, только радовались отдыху, радовались свиданию с родными, радовались возможности дышать родным воздухом, любовались Многоводной Раздольной, которая

... Щось, хлопче, сказать хоче —
Хто ж то зрозуміє!..

Одним словом, настроение среди казаков в первые дни отдыха было хорошее, бодрое, веселое; по вечерам, оглашая отдыхающую станицу, неслась песня, то ласкающая, то плачущая, то взывающая, то вопрошающая. — Там слышно:

... Ой гук, мати, гук...

А в другом конце, как бы в ответ ей, несется:
А вже ліг більш двісті!..

Гей ти, козаче, бери ніж —

Де побачиш москалика, там і ріж!..

Но скоро настроение казаков изменилось. Однажды вечером к нам в станицу приехал из Екатеринодара помощник регента Кубанского войскового хора Гавриш, мой станичник и даже сродственник. В небольшом кругу казаков он ознакомил нас с обстановкой, какая была в то время в Екатеринодаре; он же рассказал нам, что бригада предназначена не для отдыха, а для того, чтобы „навести порядок“, и тут же дал подробную информацию, что „городовики“ хотят, чтобы всю Раду перевешать!..

С быстротой электрического тока все это стало известно казакам; теперь стало понятно, почему некоторые офицеры обращали внимание казаков на то, что все штабы были одеты в английское обмундирование, а фронтовики ничего не получают. Войсковой Атаман рад бы всей душой, да ему во всем препятствует Рада; нужно поддержать Атамана, а то он один не может справиться с ней.

В общем выходило, что Рада всему виною. Такая аттестация имела свое влияние. Ненависти и воинственного настроения против Рады она не вызвала, но неприязнь и недоверие к Раде были заметны.

Информация Гавриша раскрыла глаза казакам, хотя фронтовики, неискушенные в делах политических, слабо разбирались в делах политических, слабо разбирались в функциях Атамана и Рады и уже совсем не понимали роли ген. Покровского, как не понимали и того, в чем должна выражаться с их стороны поддержка Войскового Атамана.

После приезда Гавриша начались „разведывательные“ поездки казаков в Екатеринодар; встречались с казаками, служившими там, которые знали истинное назначение прибывших в Пашковскую казаков, и всегда задавали вопрос: вы за Раду или против Рады?

Конечно, „городские“ казаки имели возможность бывать на заседаниях Рады, читать газету, тогда как мы, фронтовики, были лишены этой возможности. Все же сразу, с первых слов разговора с казаками „городскими“, видно, что мы не враги их, и что у нас один казачий дух. Не ускользнуло от внимания казаков и то, что в Екатеринодаре что-то творится. Наблюдалось затишье перед бурей.

За несколько дней до расправы с Радой, рано утром полк пришел в смятение; командир полка, полковник Гончаров, которого казаки очень любили, был арестован. Поводом для ареста послужило то обстоятельство, что его родной брат был членом Рады.

Видя настроение казаков, арестованного командира полка не отправили в Екатеринодар, как предполагалось. Настроение казаков дало понять начальству, что шутить опасно.

Началось „внимание“ к нам со стороны начальства; Осваг засыпал нас газетами и брошюрами. Некоторые офицеры собирали казаков и читали освагскую литературу. Стали носиться слухи, что из среды казаков будут изъяты влиятельные урядники и казаки, и даже был разговор, что полк будет расформирован.

В день ареста полк Гончарова, вечером, собралось секретное собрание сотенных вахмистров и взводных, на котором было решено назначить секретный караул, который наблюдал бы за полковым караулом, охранявшим арестованного командира полка, т. к. была боязнь, что старика увезут ночью, и мы его больше не увидим. Скоро подтвердились слухи о репрессиях по отношению к урядникам; правда, ни арестов, ни других наказаний применено не было, но лучшие вахмистра и взводные урядники смещались с должностей, влиятельные казаки беспрепятственно увольнялись в отпуск. Вновь назначенных вахмистров и взводных командиры сотен облаживали, часто приглашали к себе на квартиру, угощали ужином и даже водкой.

Казаки станицы Пашковской тоже проявляли волнение, тоже переживали страхи; вот, например: вызывает меня командир сотни как раз перед тем, как в семье казака, где квартировал я, собирались ужинать. Старик-казак, приказав своим невесткам, чтобы те не спешили подавать ужин, перекрестил меня — види, говорит, не бойся, т. к. он предполагал, что не для доброго вызывает меня командир!..

Пробовали казаки не раз заговаривать с офицерами на тему о событиях, приближение которых каждый чувствовал, но офицеры от разговоров уклонялись, хотя были внимательны к казакам.

Казакам было объявлено, что полк. Гончаров подвергнут домашнему аресту, и что в Екатеринодар он отправлен не будет, хотя охраняли его совсем не так, как находящегося под домашним арестом. Казаки не доверяли начальству и продолжали нести секретный караул.

Связь с Екатеринодаром все время поддерживалась — то путем переписки, то поездками казаков. Последние сведения были как бы успокоительны, гроза будто прошла, все обошлось хорошо, вот только юнкеров немного потрепали. Как и за что, никто, конечно, толком не знал, и только позже стало известно, что были произведены аресты юнкеров-казаков, так или иначе проявлявших симпатии к своим избранникам — к Раде. Вместе с этим прошел слух, что в Екатеринодаре решено избрать другого Атамана. Кто-то даже говорил, что наверно будет избран Покровский.

Вечером 5 ноября из Екатеринодара было получено письмо, а также и на словах было передано, что там пахнет порохом, сообщалось об аресте юнкеров и некоторых членов Рады, что начальник гарнизона издал приказ, призывающий к спокойствию. Было непо-

вятно: как будто бы было все хорошо, а пахнет пороком...

Начальство попрежнему обхаживает казаков. Командиры сотен обещали некоторым вахмистрам производство в хорунжие. Мой командир сотни, сотник Бятец (казак ст. Старощербиновской. Е. Я.), когда я зашел к нему после зори, сказал:

— „Ну, подхорунжий, завтра мы идем на парад в Екатеринодар; если парад пройдет хорошо, то вы наверно вернетесь оттуда хорунжим, я уже возбудил надлежащее ходатайство.

6 ноября в 5 час. утра полк выстраивается. Погода отвратительная: дождь, слякоть; слышен ропот казаков; однако, двинулись в Екатеринодар. Бригаду ведет полк. Гетманов. Не доходя до Екатеринодара версты 1 $\frac{1}{2}$ —2, группа строится в резервную колонну и чего-то поджидает.

Так простояли около часу. Приезжает какой-то офицер, что-то доложил начальству, бригада двинулась в Екатеринодар; там остановились на соборной площади. Небо стало проясняться, бодрее себя стали чувствовать. Были выданы кормовые деньги, накормили людей. Я и сейчас не знаю, причитались ли эти „кормовые“ деньги казакам. На соборной площади простояли около двух часов. Приехал Покровский, принял парад, поблагодарил за службу.

Парад, однако, не удовлетворил казаков, были слышны шопоты: почему не приехал Войсковой Атаман? Почему ничего не сказал казакам? Почему не познакомил казаков с обстановкой?

В тот же день, хмурые и недовольные, мы возвращались в ст. Пашковскую.

Полк, находясь в Екатеринодаре, даже не знал, что в то время совершалось злодеяние — „истинно русские люди“ железом и кровью душили волю казачью... Только от местных жителей мы узнали, что совершилось в Екатеринодаре, а Пашковцы вначале готовы были приписать все нам, как и до сих пор некоторые говорили, что разогнали Раду казаки.

Вечером меня вызвал командир сотни и приказал взять двух казаков и отправиться в штаб полка за получением продуктов. В штабе полка было выдано на каждого казака по 1 $\frac{1}{2}$ бутылки водки, вахмистру и взводным по 1 бутылке, младшим офицерам по две бутылки, а командиру сотни 3 бутылки.

После раздачи водки пригласил меня к себе на ужин, где, кроме меня, было еще 2 младших офицера.

Сотник Бятец (командир сотни) за первой чаркой говорил „речь“, благодарил г. г. офицеров и вахмистра

за хорошую службу и добавил, что одной сволочью стало меньше, но тут же сожалеет, что повесили только одного, нужно бы перевешать всю Раду. Хорунжий Косуля (казак ст. Екатериновской) ему ответил, что наших народных избранников никто не смеет трогать, и что казачество этого поступка никогда не простит. Водка развязала языки, разговор принял бурный характер. Командир сотни холодно простился с офицерами. Кончилось тем, что на другой же день хорунжего Косули в полку не было.

Через день-два началась утечка казаков, и уже через 10 дней половина полка раз'ехала по домам, кто с разрешением, а кто самовольно. Обратился я к командиру сотни, прося недельный отпуск. Он долго меня не отпускал, боясь, что я не вернусь в полк. Наконец, я получил недельный отпуск и в полк действительно больше не возвратился.

Приведенный рассказ подхорунжего ничего нового не добавляет к тем страшным ноябрьским событиям, но он дает полное представление о настроении казаков и о их причастности к разгрому Рады.

Считаю необходимым сказать несколько слов об упоминаемом здесь сотн. Бятеце. Он мой станичник и в станице жил против меня. Личность крайне не симпатичная, с казаками вообще не общался. До войны отбыл воинскую повинность в 5 Кубанском пласт. батальоне и пришел на льготу в звании младшего урядника, а потом отправился на сверхсрочную в царской конвой. Во время войны получил офицерский чин, что окончательно вскружило ему голову.

Находясь, например, в станице, он никогда не обедал дома, а отправлялся в станичный клуб.

Осенью 1919 г., перед расправой с Радой, он, Бятец, был командирован на Кубань для заготовки фуража и продовольствия, провзвел крупную растрату казенных денег (проиграл в карты в клубах г. Ейска), но наказания за это не понес, а оставался командовать сотней. Покровскому и другим палачам такие офицеры были нужны. Часто на этом играют наши враги, указывая, что разгром Рады произведен самими же казаками. Да, некоторые казачьи офицеры, хотя бы такие, как сот. Бятец, принимали участие в этом беззаконном действии, но... в семье не без урода... Остальное же кубанское казачество невинно в крови своего избранника, как невинно оно и в порабощении своей батьківщини...

15 ноября 1933 г. Франция.

Еф. Якименко.

Думы и мысли.

Виденье.

Я видел виденье...

Вижу — окутаны мраком станицы...

Жуткая тьма без просвета кругом. В мраке чуть блещут зарницы... Мертвым уснуло все сном. Вижу — родной мой Черкасск, степь, орошенную кровью не раз... А на Черкасском майдане, где собирались когда-то казачьи Круги, — будто бы драма идет на экране, — дико-кровавую тризну справляют враги.

В сумраке ночи — пламя костров и огней. Видно, как пляшет московская рать, воет, ревет и спешит поскорей сжечь все, разбить обобрать. Слышатся хохот и крики буйных и пьяных солдат. В отблесках пламени злобно-звериные лики... Громко российские люди кричат:

— Крови! Казачьей нам крови! Слез нам казачьих давай! Смерть степовой этой голи! Племя чубатое бей, истребляй!!!

Мрачно, угрюмо старинный Собор черной неясною тенью стоял... Замкнут соборный привор с цепью, что Разин порвал.

Вдруг, к полуночи глухой, ровно в двенадцатый час, слышится гул под землей. Все содрогнулось, земля затряслась. С грохотом пала соборная дверь, и задрожало Святое Святых...

Гневный и лютый, как зверь, и... не в цепях, из подвалов сырых

Разин

явился

Степан!!!

Твердо и быстро шагая, прямо пошел на майдан. Пали все ниц, замирая... Ужас их всех обуял...

Рухнула русская плаха. Выросла вышка — степной великан, и показалась над нею казачья папаха! То был на вышке Степан!

Голос Степана раздался, как грома канонада:

— Вон убирайся, российская рать! В ужасе, люди — московское стадо — бросили все и на Север! Бежать!

Взвился над вышкой флаг Казакии... Двинулись левой казачьи полки... Степь пробудилась, ожили станицы родные... И вновь собрались казачьи Круги...

Скрылось виденье, как ярко виденный сон... Гасли зарницы... Смутно белел уже день... Красной зарею горел небосклон...

Я видел виденье... Виденье — не сон!

Сергей Маргушин. (Бухарест).

Ив. Томаревский. (Болгария).

Наконец-то!

Наконец-то дни настали,
Так желанные пришли,
Что себя мы осознали,
Что народ мы — казаки;
 Что имели в поле волю
 И республики в былом,
 Что издревле в Диком Поле
 Защищали их мечом;
Что деды в кругах решали
Быть-ли миру, или войне,
Нам заветы передали —
Быть свободными вполне...
Наконец-то мы подняли
Знамя волюшки былой
И в ряды борцов повзвали —
Стать за честь и угол свой.

Наконец-то звон набата
Прозвучал по всем церквам
И созвал казачьих братьев
Дать отпор своим врагам...
Закурились пылью степи —
В сборе силы казаков...
И сомненья уже нету,
Что Свобода будет вновь;

Что казачество на поле
Государство оснует,
В честь казачьей своей воли
Казакией назовет...

Собирайтесь-же дружнее,
Братья, рыцари степей,
Право полное имея
На Свободу старых дней...

За Отчизну, честь, свободу
В поле чести выходи,
Чтоб казачьему народу
Жить при счастье во все дни.

Захарий Кондрашов. (Франция).

* * *

Как хотелось бы мне
Видеть близких моих,
Хоть немного б пробыть
Мне в семье дорогих...
Как хотелось бы мне
Видеть Тихий наш Дон,
И святых наших храмов
Услышать перезвон...
Как хотелось бы мне
За тебя, Тихий Дон,
За простор за степной,
За родной перезвон,
За станицу, за дом,
За родной очерет,
С русским хамом в бою
Лечь костями... умереть...
Ведь придет же пора, —
И поднимется Дон,
На врага своего
Грудью встанет весь он...
И тогда нам ояты
Можно сесть на коней
И за волю, за честь,
За просторы степей,
За Казакую нсю,
За отцов, матерей, —
Полить Край наш родной
Алой кровью своей...

„Лекторам“ для вразумленья, а „русским казакам“ на размышленье.

Противники Вольно-казачьего движения на всех своих „казачьих лекциях и докладах“ всячески стараются вбить в головы станичникам, что казаки, если они отделятся от России и образуют свою Казакую, экономически не выдержат своей самостоятельности; неминуемо отдадут себя в кабалу какой-нибудь иностранной державе, будут влачить нищенскую жизнь и навеки потеряют свое казачье лицо и былую славу.

В подкрепление своих „пророчеств“ о печальной участи будущей Казакии, противники ее, как на пример, указывают на отделившиеся уже от России — Эстонию, Латвию, Литву и Финляндию, которые теперь, по их словам, задыхаются от своей самостоятельности и ждут — не дождутся того часа, когда они снова смогут воссоединиться с „Единой, Великой и Неделимой“...

Вот как ученые казаки „лекторы“ на всех перекрестках повествуют станичникам о „несчастной“ доле лимитрофов, а действительность говорит совсем иное и изобличает опекунов казачества во лжи. Так, например, один „иностранный дипломат, служивший в России и недавно совершивший осведомительную поездку по прибалтийским государствам, поделился с Е. С. — лондонским корреспондентом газеты „Возрождение“ — своими впечатлениями, разрешив ему использовать несколько страниц своих заметок“.

На основании вот этих „заметок“, Е. С. поместил в „Возрождении“ (см. № 3002 от 21 авг. с. г.) интересную статью: „Поездка по прибалтийским странам“.

О жизни и настроениях в молодых прибалтийских государствах Е. С. передает так:

1. Эстония.

„Население Эстонии не терпит, конечно, и малой доли той нужды, которая наблюдается, например, в Петербурге... Теперь многие промышленные заведения остановились... Особой безработицы, однако, нет. Всем желающим трудиться отводятся мелкие земельные участки, хотя часто неудобные и мало хлебобородные, но эсты народ чрезвычайно трудолюбивый, экономный и покладистый. В общем сыты и довольны. Внешний порядок и благоустройство в городах Эстонии лучше, чем было до войны, а курорты поставлены образцово и начинают привлекать даже иностранцев... К русским эсты относятся в общем прекрасно, за исключением, однако, так называемых „реакционеров“, которые все еще „вслух“ мечтают об обратном покорении Эстонии. Эсты чрезвычайно дорожат своей политической независимостью“...

2. Латвия.

„В Латвии картина несколько иная. Там промышленность, торговля и мореходство играют большую роль, чем в Эстонии, и за сокращением их всеобщее обеднение чувствуется острее... Национальный шовинизм в Латвии „колоссальный“, и все еще господствует убеждение, что „менее красная Россия“ может оказаться опаснее для независимости Латвии, чем С. С. С. Р.“...

3. Литва.

„В Литве почти все население прокармливает и одевает себя сельско-хозяйственным трудом. Оно живет хотя и примитивно, но вполне обеспеченно, имеет много скота и лошадей. Все местные продукты дешевы и общедоступны, а все привозное очень дорого. Однако, там против этого не протестуют, и население и ранее мало употребляло чая, сахара и кофе, не говоря уже о других продуктах. Местные крестьянские ткани хороши и прочны, и никто других не желает. Безработицы нет, и даже все иностранцы, включая и русских, сделавшиеся литовцами, обеспечены работой на тех же скромных основаниях. Язык возведен теперь на степень кумира, и каждый

литовец знает, что его язык древнейший в Европе и самый близкий к древнему санскриту. Пребывание в Литве „уютно и отрадно“, но очень монотонно“.

4. Финляндия.

„Финляндия все более выдвигается на позицию „жемчужины среди балтийских стран“. Хотя большинство населения там живет довольно примитивно и скудно, но живет не хуже, чем до войны. Благоустройство городов, курортов, железных дорог и т. п. образцовое и привлекает уже туристов. Настроение к красным русским и к „заведомо белым“ определенно отрицательное... Финны высказывают даже убеждение, что в случае нападения С. С. Р. на Финляндию, русские (натурализовавшиеся) финны окажутся очень ценными бойцами и защитниками нового отечества. Можно сказать, что Финляндия является теперь одной из немногих счастливых стран, которая встала на путь прочного и нормального развития“...

... Из вышеприведенной заметки даже и слепому станет теперь ясным, что Эстония, Латвия, Литва и Финляндия совсем не помышляют воссоединиться с будущей Россией, а наоборот, если последняя когда либо вздумает посягнуть на самостоятельное существование этих молодых государств, то население их в своем патриотическом порыве так же дружно и стойко ответит русскому мужику стальным штыком и кровью отстоит свою независимость, как то сделало оно 15 лет тому назад.

Пока же что — эти лимитрофы спокойно живут так, как сами того хотят: у россияна ума они еще не занимали и совета ни у кого не спрашивают... Несмотря на незначительность своих территорий и населения, лимитрофы благополучно существуют, и оказывается, что живут они ничуть не хуже, чем прежде...

Все это казачьим „лекторам“ из стана эмигрантских единадцатиднейцев безусловно известно.

И не лучше-ль было бы этим „лекторам“, вместо того, чтобы с кафедры втирать очки казакам и запу-

гивать их ссылкой на якобы „горькую долю“ эста, литовца, латыша и финна, заняться чисто казачьим своим делом и, не повторяя ошибок недавнего прошлого, приложить все свои силы, волю и знания к тому, чтобы в будущем казачий народ зажил самостоятельно в своей свободной Казакии по своему разуму и обыновению?..

Ведь плодородная кормилица-земля казачьих областей; привольные степи; многоводные реки; богатые всем необходимым недра; горы и леса; умеренный здоровый климат и выход в Черное море являются всеоспоримой гарантией того, что казачество имеет шансы на самостоятельную и безусловно благополучную жизнь в своем государстве.

И как бы там ни напевали станичникам единадцатиднейским „лекторы“, и чем бы они ни заугубляли их, а казачество может, имеет право и должно, во имя будущего своего родного племени, стать независимым и устроить жизнь свою по дедовскому завету.

Даже такой ярый противник Казакии, как Донской Войсковой Атаман, и тот в минуты просветления своего ума находит, что казаки могут существовать независимо от Матушки-России... И об этом он объявил всем казакам и записал на память потомству так:

...„Уверен, что если бы мы были независимы, как эти лимитрофы, то не сидели бы теперь вы, казаки, по заграничным фабрикам, не томиялись бы тоской по Родине, а давно были бы дома и строили новую жизнь по своему разуму и желанию“ („Вест. Каз. Союза“ от 1927 г. № 9, стр. 2).

Да, золотое время упущено было казаками по простоте сердечной и излишней доверчивости к своим выборным вождям, а в результате затеянного похода на Москву, для казаков здесь, в изгнании, — „фабрики и томление“, а там, в родных краях, — дьявольское уничтожение казачества красным мужиком!..

Но вольные казаки в изгнании чают воскресение казачества в независимом своем государстве; для него, не щадя сил своих, работают, и оно, желанное, придет... Да здравствует же Казакия!

И. Г.

1933 г. 24 октября. Франция.

Павел Поляков.

Казачьи фельетоны.

Которые кубанцы — те на меня сильно обижаться стали. Что, говорят, за ерунда. Почему он все про кубанцев да про кубанцев пишет. Серчают иные здорово.

Поэтому хочу я объяснить и толком все рассказать. Почему я, ну, например, скажем, донского атамана не трогаю. А вот почему. Перво на перво зауважал я его в последнее время.

За ухватку и за деятельность. Все мы читали, что на 34-й год Богаевский бал назначил. Ведь дальновидность-то какая! Размах-то! И точность — поражающая. Второе сотворение мира!

„И сказал Африкан: да будет бал — повернул штепсель, — и бысть по слову его“, напишут летописцы.

... Дон с голоду пухнет, собак, кошек поели, людей начинают есть...

А он хлопочет... печется... miss русскую казачку выбирает... серпентином шибается...

Это, господа кубанцы, первая причина — высокополезная общественная деятельность.

Вторая причина — политическая. Есть в Париже генерал Миллер. Этот вот Миллер нашего атаманушку к себе и приблизил. Обласкал и даже в суд какой-то назначил.

Скажем, передерутся какиенибудь два русских генерала, какойнибудь там Катценблям и Левенбум, из-за какойнибудь губернии. А Африкан — тут, как тут.

Виноват, скажет, за что вы, ваше пр-во, их пр-ву да носик своротили-с?

Те объясняться... суды... туды...

Африкан их и рассудит... Каждому по губернии даст... По вотчине наквнет.

Те потрясутся, попадают в обморок и очунеются. И примирятся...

Он после только песочек заметет.

Или, скажем, начнет Миллер скоропостижно помирать. Сохнуть и вянуть. Тут Войска Донского Атамана и вовсе дела много. И кроватку постели, и что там вынести — вынеси, и выплесни, и сполосни...

Кубанский атаман — тот большой беды не делает... Потому — Бог ему и советников умных не дал, да и самого обидел... Только и горазд, что со Звегинцевым доносы строчит...

Наш, донской, повыше взял. С поста Атамана Всеволодского Войска Донского в холу и добровольно пошел.

Вот почему, станичники кубанцы, о донском атамане тяжело писать... Рука не поднимается...

Благодарное потомство ему, конечно, кол осино-вый уготовит... а мы...? Иной раз — жутко становится...

За что же... о, Господи!

В последнее время секты снова появляться стали. Раньше, помню, на святой Руси были хлысты, прыгуны... дырошники; разных, словом, ориентаций. А сейчас, слышать, новые заграницей объявились. Называются Кирилловцами. У хлыстов, у тех богородица была, у дырошников — дырка, что-ли, — не знаю, а у кирилловцев — царь.

У царя, как это и полагается, — наследник престола и благородный отпрыск. Царь — губернаторов назначает, указы подписывает, грамоты строчит, но больше ни в чем не замечен и поэтому живет на свободе.

Наследник — видит, что папа делает, и сам тоже того... Словом — наследственное... У царя, конечно, есть подданные — генералы, губернаторы и сенаторы.

Недавно один и в Новом Саду объявился, звать Протопоповым. У нас с ним в прошлом году недоразумение маленькое вышло. Судились мы трошки. Судьям он говорил, что он за воинский союз, коверкал

сербские слова, сморкался и басом плакал... Гы-ы-ы... они изме...е...ники...и, а я ру...у...у...с... гы-ы.. мы..а..а...ма..а..

Здорово жалобно плакал.

В коридоре же суда, в перерыве, промежду прочим уверял нас, что он — единственный вольный казак на весь Новый Сад.

А теперь, слышать, в кирилловцы пошел... Не знаю, может быть, ему все же лучше бы было в дырошники податься. Или в прыгуны, — гляди себе в дырку и квиты. Или прыгай; и прыгай — а душе — спасение...

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от А. П. Черного (из Белграда) 10 кч. 50 г.; от П. Тимошенка (из Белграда) — 8 кч. 40 г.

Памяти А. И. Кулабухова.

В день 14 годовщины гибели казака, националиста Алексея Ивановича Кулабухова группа в. к. Бийанкурской церкви (132, rue Point du Jour) 18 сего ноября отслужила панихиду по всем павшим смертью храбрых за свою Отчизну и по скончавшимся голодной смертью под московским игом.

Алексей Иванович Кулабухов является для нас, казачков-националистов, не только казаком, патриотом своей Родины, но и лучшим пророком, говорившим что право отдельного казака — в своем собственном хозяйстве, и право целого казачьего народа — в своем собственном Государстве.

Жертвуя собой, он как бы подчеркнул расточителям Казачества и не понимающим его, что вне этих границ и прав есть только „право“ рабства и „право“ голода, что мы ныне все и испытываем.

Не понимающие своих государственных интересов есть и ныне, и жертвой их снова могут быть сильные из сильных. Но, не взирая ни на что, они — сильные — будут идти через смерть к жизни и к своему собственному Государству — Кавказу.

(Соб. кор.).

20-XI-33.

В. Виши.

Вольно-Казачий Куринь имени К. П. Бардижа.

ПРИГОВОР № 1.

Мы, нижеподписавшиеся должностные лица и казаки Вольно-Казачьего Куриня имени К. П. Бардижа в г. Виши, на своем сборе 19 ноября 1933 г. постановили:

1. Поддерживать связь с вольноказачьим центром, а также быть в связи с представителем Вольного Казачества в г. Лионе, А. К. Лениновым.

2. Переизбрали представителя журнала „Вольное Казачество“. Вместо С. И. Чепурного, впредь будет таковым Иван Дмитриевич Попов.

3. Избрали представителя на окружной Вольно-Казачий С'езд.

4. Ввиду истекающего срока подписной платы за вольноказачий журнал, возобновили взнос на выпуск трех экземпляров сроком на один год.

5. Сделали добровольное пожертвование на вольноказачий С'езд; собрано 100 франков, которые высылаются в Центр В. К.

Мы, казаки-националисты и патриоты своих родных Краев, следуя заветам своего первого борца за долю Казачества и первого организатора вольноказачьих Куринив на Кубани, помня его священный призыв, — возродили прошлое и указываем путь священ-

ного долга каждого казака, путь к борьбе с поработителями нашего Края.

Станичники! Мы должны стать все, как один, под свои вольноказачьи знамена и тесно сомкнуть ряды. Наш враг все равно сдастся перед нашим натиском и уступит все, что мы потребуем.

А вас, дорогие вожди, просим быть еще более стойкими на вашем посту. Наши ряды не убывают, а все больше растут и увеличиваются. Наш родной журнал на своих страницах помещает все новые и новые имена борцов за долю своего народа. Так оно и должно быть; нет иного пути для казака. Уже время нам — смахнуть навет неправды и, сорвав черную повязку, подсмотреть, где реет наше освободительное знамя. Наша правда — там, где начертан наш девиз — Казачья Воля, и где обозначена наша цель — Казакция.

Атаман Вольно-Казачьего Куриня —

В. Н. Федосеев (куб.)

Помощник — Коваленко Николай (куб.)

Доверенный — Кондратенко Павел (куб.)

Секретарь — Попов Ив. Дмитриевич (дон.)

Мардасов (куб.), А. Солодухин (куб.), Д. Чесноков (куб.), Чепурной Сергей (куб.), Баканов Василий (дон.), Герка Александр (куб.), Боков Петр (куб.).

В Берлин.

Станичному атаману под'есаулу И. Д. Овсянику и его помощнику, хорунжему В. Бабичу.

Душой радуюсь, что, хотя после долгого размышления, всетаки Вашими трудами и трудами других создана в Берлине в.к. станица.

Вы открыто стали на наш казачий путь — путь, который только один может спасти Казачество, как таковое, возродить национально и создать сильное, благ земных обильное казачье государство...

Только в нем одном мы найдем свое собственное казачье счастье. Другие пути для нас, националистов, — ложны, а поэтому Вы не ошиблись — Вы тысячу раз правы...

Я знаю Вас и несколько не сомневаюсь, что Вы ни при каких обстоятельствах не сойдете с этого казачьего шляха, по которому Вы пошли — грудью вперед, — отбрасывая всякие: а вдруг... которых быть не может!

Как организация, работайте — увеличивайте ряды станицы и без усталости боритесь за правоту нашего святого дела...

Далеко я, но крепко жму Ваши казачьи руки и в лице Вашем приветствую не только знающих меня, но и всех в. к. станицы.

Дай Бог Вам сил и здоровья.

Ваш под'есаул А. С. Тырин.

Швеция, 17-XI-1933.

Моему „доброжелателю“ из „Казачьего союза“.

Спасибо вам за любовь, выразившуюся в присылке мне вашей листовки — „Задачи Казачьего Обединения“. Услужили; к тому же и лишние для вас расходы, хотя на дело это пошли те копеечки, что вам присылают казаки...

Я, как казак, жадно набрасывающийся на всякое печатное слово с маркой „казачье“, с большим вниманием ее прочитал, надеясь найти в ней хоть что-нибудь близкое и дорогое для моего казачьего сердца. Прочитал и острою боль почувствовал в душе. И вот спрошу вас: когда же вы перестанете напевать нам свою русскую песенку, когда вы перестанете мутить казачьи умы, в надежде поймать хоть какую рыбешку в мутной воде, когда вы перестанете расставлять свои паутины, в надежде, что в них как-нибудь застрянет захудалый, какой „казачек“, когда вы перестанете на чистом, ровном казачьем пути усердно набрасывать русские камешки, чтобы, спотыкнувшись об них, свернул себе шею казак?

Ваше влияние, ваши недомолвки, ваше сидение на двух стульях — нам, казакам, прямолинейным сынам Дона, противны. Подобным косноязычием вы будете только самих себя хлестать. Если вы считаете себя казаком, то обращайтесь к нам по нашему, по казачьему, прямо и открыто, а не по московскому — криво и лукаво.

Перестаньте мутить казаков тем, что вы соберете всеобщий казачий съезд, что собираетесь, мол, объединить всех. Вам, собственно, действительного Съезда совсем не надо; вам нужна только марка казачьего Съезда для ваших политических махинаций, как для уже покойного „Казачьего Союза“, вернее, — его единственного живого члена Н. М. Мельникова, — нужна была марка „160-ти казачьих общественных организаций“ для его политических целей. Эта ваша основная цель не есть тайна для казаков, ибо вы, спрятав свою голову в пышные слова „казачье объединение“, воображаете, что вам удалось спрятать от казаков все другие очень непривлекательные части вашей души. Мы заранее знаем, что вы созовете Общеказачий Съезд не настоящий, а фальшивый, для чего пригласите несколько человек своих сторонников. Этим и закончится вся ваша шумиха. Только это вам и надо: марка „казачьего съезда“.

Так вот, если вы не забыли славное казачье прошлое, знаете нынешнее страдание Казачества, если есть у вас желание, чтобы это рыцарское Казачество не погибло, а воскресло и восстановило свою прежнюю славу и мощь, то перестаньте действовать по указкам русских „вождей“, а возьмитесь за дело по казачьему. Ибо Казачество было, есть и будет, и всем, кто считает себя казаком, пора уже раскаться в своих вольных и невольных грехах перед Казачеством. Рано или поздно все к нему вернется, но может случиться так, что опоздавших оно не пожелает принять в свои объятия.

Вы знаете ту страну, где казак от казака родился. Там наши братья, помня заветы седой старины, черпая моральную силу в славном нашем прошлом, находясь в окопах и цепях, истекая кровью, мужественно и упорно продолжают давать отпор жестоким русским людям, именуемым коммунистами и решившим угробить наше славное Казачество.

Перед лицом такого безмерного страдания пора вам бросить чужую дорогу, пора стать, наконец, под сине-малиново-желтый флаг — знамя казачьего возрождения, славы и независимости Казачества,

(Франция).

Ив. Болдырев.

Ради правды.

Дорогой станичник, г-н Редактор!

Вполне согласен с тем, что создавать рекламу ничтожному младоросскому „движению“, где о Казачестве, как о таковом, говорят лишь в определенной форме — потомственной, наследственно-русской, — не стоит. Но все таки убедительно Вас прошу поместить в

печати кое-что о докладе г. Чапчикова на тему „Борьба за Казачество“, который пришлось слышать 9 октября с. г. в Белграде. Прошу так потому, что нахожу необходимым ознакомить казаков с „идеологией“ этого господина, который среди нас еще живет и всюду расписывается головарем казаков; не будучи последним на то уполномочен. Останавливаться подробно на демагогическом „докладе“ так называемого „доктора прав“ не стоит.*)

Та галиматья и беспринципность, которые были показаны Чапчиковым, в своем целом не заслуживают того, чтобы о них писать. То был бред сумасшедшего. Но кое-что и поведение русской аудитории во время „доклада“ отметить не лишнее. Итак, выдержки:

... „Не только казачество испытывает в сов. России голод, но и все русские „люди“ вообще. В одинаковой степени этот голод ощущают и такие части красной армии, как ГПУ...“

... „Восставали и восстанут не только казаки, но и жители центральной России...“

... „Казачество только тогда может быть спасено, когда оно отдаст все свои силы на общее русское дело... только тогда оно придет к себе и будет жить, когда оно придет к своему царю... Цари всегда казакам помогали, защищали их... У казаков всегда был девиз: Бог на небе, царь на земле, отец в семействе. (?) На этом и создавалась вся жизнь казаков... Никаких таких партий среди казаков не было, что наблюдается теперь... Казаков надо всех уравнивать, как это сделали теперь в С. России... Самостийность не имела места в среде казачества никогда... Восстания Булавина, Разина и др. — это была борьба за русскую правду и за казачью... Что Петр подавил Булавинское восстание, уничтожил 8—9 тысяч казаков и пожег „воровские“ станицы — это потеря не большая и жалеть об этом не приходится, ибо этим самым Петр I спас Казачество... Так надо было поступить... Настоящая советская система есть проект Сперанского и утверждена была императором Александром I...“

... „Мы, младороссы, — нас в Праге 7 человек, — своей работой проникли и в Россию и ведем верную работу... успех определенно за нами... У нас, в Праге, на наших собраниях десятками присутствуют специально приезжающие представители советской власти... слушают нас, и мы с ними разговариваем... Судьбы Казачества решаются не в Екатеринодаре и Новочеркасске, а в Москве... Казаков не любит тот, кто не любит царя... Мы, казаки, оставили царя... Не стыдно идти за тем, за кем действительно не стыдно идти... У нас есть такой человек... остаток дома Романовых, за ним мы и должны идти... Власть должна быть централизованна. Никаких выборов атаманов...“

— Такие люди, как Керенский, Милоков и Миллер не известны. Одно остается: быть верным царю казаком, чем вечным батраком“.

Так закончил свой „доклад“ (далеко не на тему) так наз. председатель казачьего центра младороссов в Праге.

Комментария с моей стороны по поводу изложенного будут совершенно лишними. Казачество достаточно теперь политически грамотно, чтобы могло понять „генеральную линию младороссов“ или какой-бы то ни было другой русской партии, что подтверждается поведением русской аудитории и во время самого „доклада“.

Когда г. Ч. сказал, что у младороссов в Праге десятками присутствуют „товарищи“, только один русский студент боязливо произнес: „И руки дру другу пожимаете за чашкой чая?“. Остальная масса обошла молчанием не только это, но и то, что „настоящая советская система есть проект Сперанского“.

А по окончании „доклада“ эта русская разношерстная аудитория с улыбкой на лице даже апплодировала. Возмущались только казаки. Но в

*) От ред. Кто-то уже докопался, что на титул доктора прав г. Чапчикова права не имеет.

ответ на это никакого внимания и злобные лица русских людей, которые „борются“ против большевизма. О том, что когда выступили оппонентами самостийники, то им не давали рта раскрыть, — говорить лишнее.

Поднялась буря, не поддающаяся описанию. Крики, обмороки, стучания палками, ругательства и т. п.

Когда Н. Д. Дувакин процитировал Грамоту об избрании на пост Донского Атамана А. И. Каледина, — Грамоту, которую сам Н. Д. читал на соборной площади в столице Донской Республики Новочеркасске (Донская Летопись № 1 стр. 18), г. Чапчиков, не долго думая, сказал, что Грамота эта есть выдумка самого Дувакина.

Оставшись с казаками, Чапчиков „поджал хвост“ и согласился с выборным началом в казачьей государственной жизни. Но этим дело не кончилось. В дальнейшем разговоре казаки-старики и оставшаяся часть студентов поговорили „искренно“...

На вопрос казаков: „Сколько вы за это получили или получите“, — г. Ч. тоном петроградского жоржика ответил: „Не беспя-акойтесь, много!“

Разговор закончился тем, что Ч. едва не ударил один из студентов...

Поездка Ч. прошла лучше некуда. Русские на первом докладе о „Генеральной линии младороссов“ разбили его и осудили за самовосхваление, за частое напоминание о имеющихся больших средствах у младороссов, за незнание русской истории и т. д. В печати тоже протянули (в газете „Русский Голос“ за октябрь).

Наконец, разговор с казаками лучше всего подействовал. Вся храбрость г. Ч. пропала. Урок был хорош. После разговора с белградскими казаками предполагаемые поездки были отложены. С'ездил только в Новый Сад и то так, что сто казаков из Н. Сада не знали о его приезде. Известно только, что самостийников г. „докладчик“ уже больше не трогал.

Николай Букин.

„Младоказаки“.

Как во дни былой независимости, так и во времена своего подневольного нахождения в составе Российской империи, казаки оказали России много услуг по расширению и упрочению пределов государства, проявили удивительные способности в военном деле, а также и в государственно-политическом и экономическом строительстве. Ни у кого из русских людей на этот счет не возникает сомнений. Вот почему все без исключения русские политические партии всеми силами старались и стараются привлечь на свою сторону казаков. Они (партии) не представляют себе возможным будущее существование „новой“ России без активной помощи Казачества, и, конечно же, все они мечтают, по миновании „надобности“, уничтожить это самое Казачество. Говоря проще, русские политики всех оттенков хотели бы казачьими головами вернуть утраченную ими власть над русским народом и затем, в лучшем случае, превратить Казачество в грубую полицейскую силу, в своего рода чеку, а в худшем — уничтожить его физически, как делают большевики.

Точно таких же взглядов держатся и „верноподанные Кирилла I-го“ — младороссы. С недавних пор они усиленно стали звать к себе казаков. Любители из „отзывчивых душ“, конечно, нашлись, правда, весьма немногочисленные и при том большей частью из „казаков“ недавнего происхождения (если они вообще не самозванцы). Так что кличка „младоказаков“ к ним подходит, как нельзя лучше.

Недавно эти „младоказаки“ приносили „присягу на верность“, о чем я и хочу кое-что рассказать. 8-го октября в Париже, на авеню Токио, 26, состоялась, по выражению пригласительной повестки, „церемония торжественного обещания кандидатов, вступающих в ряды младороссов, вручение флюгера военно-морскому очагу и выступление главы союза младороссов и других руководителей парижского центра“...

Церемония заключалась в следующем. В просторном зале поставлен был стол с лежащими на нем нагрудными значками. В углу полукругом расположились 8 младоросских значков (флюгера). Сами же привержен-

цы заграничного русского „императора“ выстроились шеренгой, однако, без соблюдения строевых правил и ранжира, а „младороссы“ довольно преклонного возраста и особо приглашенные гости стали толпой в стороне.

Во время приготовлений „глава“ Казем-Бек нетерпеливо похаживал в соседнем коридоре. Наконец, все готово. В зал торжественно входит „глава“ и становится на фланге, в четырех шагах от стола. На вид „глава“ довольно неказистый: это маленький гладко причесанный молодой человек с маленькими усиками, смуглый и явно не русского типа. Сейчас же один из старших младороссов выступил вперед и прочел кратко о причине и сути настоящего торжества, уступив затем свое место другому „младороссу“ с немецкой фамилией, который стал по очереди вызывать к столу младороссов в.-морск. очага, называя чин и фамилию.

Вызываемый подходит, поднимает правую руку, берет со стола бумажку с текстом „обещания“ и громко читает написанное; затем распясывается на особом листе, поворачивается к раздатчику значков, целует его, а тот прикалывает „присягнувшему“ значек, после чего кандидат целуется с самим Казем-Бекем и, смущенный, возвращается на свое место. Казем-Бек же спешит тщательно вытереть следы поцелуя...

Суть обещания кратко сводится к тому, что новый младоросс обязуется „неукоснительно исполнять постановления и решения союза младороссов“, обещает „выполнять точно приказы старших“ и, главное, — „верую и правдою служить главе союза младороссов.“ Характерно то, что обещается служба не „государю императору“ а „главе младороссов“.

Когда же очередь дошла до казаков или, вернее, „младоказаков“, у стола, на место старшего младоросса-моряка становится старший „младоказак“, генерал Алпатов, который и раздает значки вместе с поцелуями. Внимание случайно присутствовавших нескольких казаков напряжено. Всем интересно взглянуть на новое явление нашей жизни — на „младоказаков“. Первым к столу вызывается „подполковник“ Цимлянский... Но каково же было удивление, когда в здоровенном рыжем подполковнике Цимлянском казаки узнали войскового старшину Дружакина. На лицах крайнее недоумение. Мой сосед-казак не выдержал и в волнении начал мне шептать на ухо:

„Какой же это подполковник, да еще Цимлянский? Ить это же наш... Дружакин, войсковой старшина... Калединского полка. Какая нелегкая занесла его в эту компанию? А коли записался, так и присягой по чести, по совести. Нечего за чужой плетень хорониться! Чего же стыдиться? Валяй прямо!.. Опять же и присяга: ни тебе святого креста, ни евангелия, а замест этого целуют своего Казем-Бека, — срамота!.. Кабы ишо святой он был, али хуч и хний бы русский, а то так себе — здорово живешь“...

Мне стало неловко: как бы окружающие русские не услышали наш разговор. Но мой сосед, не смущаясь, продолжал наставительным тоном:

— Положим, у Дружакина все-таки хуч чуть казачьей совести, да осталось; вот он, значит, и не пожелал пачкать свое казачье имя. Нехай, мол, дураки-младороссы считают, што я им присягал, а я их обманул, да и на стороне казаки не узнают, што казак Дружакин в младороссах ходит... А и хитрый же чертяка. Во, во, гля, — идет назад красный, как рак. А чи он знает, што мы с тобой казаки и об этом расскажем своим? Вот срамата-то... На всю жизнь, можно сказать“...

В это время Дружакин, или „подполковник Цимлянский“, „присягнув“, смущенный, со значком в петлице возвращался от стола на свое место.

Вторым был вызван „сотник“ Чапко, именуемый себя терским казаком, но, по свидетельству терцев, — не казак и в казачьих частях никогда не служивший. Чапко, при виде „главы“, совсем растерялся и забыл все, чему его младороссы учили целых три недели: он схватил со стола ручку, чтобы поскорее распясыться „в верности“, но ему, вместо этого, сунули в руки печатную „присягу“, которую он стал быстро читать, не поднимая руки. Пришлось начальствующим снова на-

помнить порядок и поднять ему руку с дрожащими пальцами.

Третьим был Петрусенко. Этот — хотя и уроженец Кубани, но не казак, чего и сам не скрывает. Однако, для младороссов это обстоятельство роли не играет: им лишь бы было к чему-нибудь придраться, чтобы во всеуслышание потом заявить, что у них тоже есть казаки. А раз так, — значит все в порядке, и бояться нечего.

Четвертым и последним „присягал“ Терского Войска войсковой старшина Слюсарев. Этот уроки младороссов зазубрил хорошо и „присягу“ читал наизусть. Наверное, далеко пойдет на новом пути.

После приведения к „присяге“ началось чтение „высочайших почтограмм“ и поздравительных писем от ряда „придворных особ“, а затем был объявлен десятиминутный перерыв.

„Младоказаки“, при встрече с казаками, держались как-то особенно стыдливо, подобно навобранной в первые дни замужества, когда ей радостно и как будто стыдно за свое счастье перед вчерашними подругами.

После перерыва с кратким словом выступил сам глава Казем-Бек. Он пожелал новообращенным успеха в усиленной работе в предстоящий зимний сезон.

Выступало еще несколько ораторов с заранее заготовленными бумажками. Восхвалениям младоросского движения не было конца.

Один из говоривших заявил:

„Я надеюсь сделать из новых младороссов отличных грамотных политруков“.

Так и сказал — „политруков“. Значит, четыре новообращенных „младоказака“ в недалеком будущем станут ни более ни менее, как настоящими политруками, что не удивительно, ибо младороссы почти полностью принимают большевистский строй. Но вот вопрос: как будут себя чувствовать, в качестве „политруков“, некоторые „младоказаки“, не догадавшиеся во время перемены свои фамилии? Как бы им не пришлось впоследствии со стыдом каяться за свою такую оплошность... Вот предусмотрительному Дружакину, конечно, не страшно: он, в крайнем случае, может все свалить на несуществующего подполковника Цимлянского.

Выступил с заготовленной речью и генерал Алпатов. Смысл его речи сводился к тому, что „монархическая Россия всегда нуждалась в казачьей защите, и поэтому не надо удивляться, что ныне казаки (?) начинают становиться младороссами. Они теперь будут знать свое настоящее место, ибо казаки всегда являлись живой изгородью для России“.

Такую незавидную долю пророчит „младоказакам“ генерал Алпатов, очевидно, думая, что и все вообще казаки будут в восторге от столь заманчивой перспективы.

Спорить с тем, что Россия всегда нуждалась и нуждается в казачьей защите, конечно, не приходится, но, что касается желаний истых казаков когда-нибудь вновь, в при том по доброй воле, стать „живой изгородью для России“, — то в этом генерал Алпатов глубоко ошибается. Обстановка нынче изменилась не в пользу Алпатовых. Теперь казаки окончательно убедились в злостном к ним недоброжелательстве со стороны русских (какие бы цвета они ни носили). Казаки не намерены повторять своих ошибок: при первом же случае они сумеют отстоять свою независимость, и никакие ласковые слова и обещания их больше не обманут, ибо они горьким опытом познали истинную цену „русской дружбы“, как в прошлом, так и в настоящем. В борьбе за свою независимость казаки прочно займут подобающее место в едином фронте народов, стремящихся к полному освобождению из под жестокого ига Москвы.

Казачки-лакеи и вообще все чуждое и чуждое в качестве давно само собой определилось и нашло или находит теперь свое место в соответствующих русских партиях, освобождая таким образом казачество от тяжкого груза. Настоящее же, подлинное ка-

зачество ныне собирается под своим казачьим знаменем, и если уж оно станет несокрушимой живой изгородью, то не для защиты терзающей его ныне России, а исключительно для защиты самого себя, своей чести и воли, своей родной, обильно политой казачьей кровью земли, для защиты независимой Кавказии.

И пусть господа Алпатовы это твердо запомнят, ибо далеко не все цимлянские казаки подобны казакам Дружакиным, и не все псевдо-казаки, по одному лишь царскому указу, превратятся в настоящих казаков. Не бывать тамбовской сивке донским скакуном!

Последним поздравлял младороссов старший лейтенант „императорского флота“ с немецкой фамилией. Вообще нужно отметить, что из всех выступавших на этом младоросском торжестве ораторов только у одного „младоказака“ Алпатова оказалась настоящая славянская фамилия; у остальных же „россов“ фамилии вызывают смущение. Вот они: Казем-Бек, Элита-Вильчковский, Штенгер, лейтенант Геринг, старш. лейтенант фон-Шильдкнехт...

История повторяется: как раньше, так и теперь русскими управляют и командуют иностранцы. Знать, без варягов русский человек не может обойтись...

Так-то „младоказаки“ „присягали“ на верность своему новому отечеству „Младороссии“.

Весьма интересно было наблюдать всю эту процедуру и потом слушать разговоры расходящихся гостей. На „младоказаков“, не взирая на их „верноподданические“ чувства и только что торжественно данное обещание служить верой и правдой, младороссы мало обращали внимания: их явно сторонились; а женщины даже не скрывали своей безразличности, по старой русской традиции. „Младоказаки“ оказались оттесненными назад, на задворки, в дальний угол. Что же вы хотите? Хоть и младо, а всетаки как будто казаки... Следовательно, так им и полагается по рангу...

Смотрел я и думал: не мешало бы всех колеблющихся и сомневающихся казаков записать в младороссы, чтобы они поскорее на собственном опыте убедились в очевидной истине, что все без исключения „россы“ — старо, ново и младо — для казаков совершенно не приемлемы и никогда не позволят себе стать с ними на равную ногу. У всех „россов“ — одно на уме: как бы еще раз получше прокатиться на казачьей спине, а потом, по миновании надобности... не грех с ними и разделаться так, чтобы от них не осталось и следа; и лишь в самом крайнем случае можно им позволить жить, но только в качестве своих постоянных верных холопов и при том с непременным обязательством выполнять функции полицейской силы в отношении русского мужика и своими головами отвечать за неприкосновенность русских границ, т. е. превратиться навсегда в алпатовскую „живую изгородь для России“.

Может быть, этот опыт возымел благотворное влияние на сомнеющихся казаков и скорее заставил бы их от колебаний перейти к решимости и окончательно стать на свой родной, вольно-казачий путь.

И. Филиппов.

Пятидесятилетие Донского Кадетского Корпуса.

Инициативная группа бывших воспитанников Донского Кадетского Корпуса, желая достойным образом отметить пятидесятилетие родного Корпуса, устраивает в день корпусного праздника 19-го декабря (6-го по ст. ст.) вечеринку, на которую приглашаются все однокашники.

Запись — 10 кр. Записываться надлежит у Н. А. Стефанова („Казачья Станица“, Войтешка, 5) или у Н. И. Басова (Русский Дом, Над Примаскою, Страшница).

Инициативная группа.

† Владимир Иванович Авдеев.

29 октября с. г. в гор. Галаце (Румыния), на квартире вольного казака, помощ. хутор. атамана И. К Щеголькова, внезапно скончался чиновник Авдеев, Владимир Иванович.

Покойный родился в 1870 г. в ст. Богоявленской 1-го Дон. округа. Служил действительную службу во 2-м Дон. каз. полку, в гор. Августове, в качестве ветеринарного фельдшера, а по приходе со службы был избран станичным сбором „коновалом“ в конноплодовой табун станицы, при котором и находился до новороссийской эвакуации. В Крыму он находился около своего Окружного Правления, а после крымской эвакуации попал: сначала в Константинополь, потом в французский лагерь около турецкой деревни „Сан-Стефан“ и, наконец, 3-ХІІ 1920 года на пароходе „Витим“, в числе многих других казаков, попал в Румынский лагерь „Текир-гиол“.

В 1923 году В. И. Авдеев прибыл в Галац и через недолгое время устроился на работу в качестве про-

стого рабочего на железном заводе „Титан“. На „Титане“ работа была не для него, — тяжелая, и он часто начал болеть.

Так как покойный не оставил после себя ни денег, ни ценного имущества, то похоронить его пришлось за счет хозяина квартиры И. К. Щеголькова и казаков: Маркея Дмитриевича Назарова и Павла Яковлевича Уколова, за что все местные казаки приносят им сердечную благодарность.

Похоронен В. И. Авдеев 31 октября на городском кладбище „Етернитец“. Гроб с квартиры на кладбище несли на руках вольные казаки. После похорон все присутствовавшие на погребении были приглашены И. К. Щегольковым к нему на квартиру, где был приготовлен скромный помин по казаке-упокойнику.

Вечная память тебе, певец старинных лесен; спи спокойно в Румынской земле, и пусть она будет тебе пухом перину.

Мир праху твоему.

А. Бабков.

В Казаки.

По страницам „Молота“.

Из передовой „М.“ от 2 ноября узнаем, что

... Шахтинский район, умевший развить темпы на уборке, теперь на севе из пятидневки в пятидневку снижает темпы и дает не 17 проц. прироста, а 8. Здесь допускают либеральные разговорчики об отодвигании сроков, вместо того, чтобы заставить каждого коммуниста почувствовать партийную дисциплину в выполнении государственных планов сева. Государственный план сева — это железный закон для коммуниста. Никаких кулацких вольностей в выполнении этих планов не может быть допущено. Надо же понять, что „путей“ для демобилизации в проведении сева может быть много — и горючее, и тягло, и семена и т. д. — но коммунисты на то и коммунисты, чтобы большевицкой решимостью сокрушать всякую попытку демобилизоваться!

Именно этого не желают понимать в районах, которые занесены на черную доску или выставлены кандидатами на занесение.

Здесь еще нет партийной воли к победе, здесь нет такого повышения классовой бдительности, такой энергичнейшей организаторской работы в кассах, которая бы в корне парализовала подрывную работу кулацкого охвоста и антиобщественных элементов.

Как приняли сообщение о занесении кандидатом на черную доску, например, в Динской МТС? Здесь начали готовить новый поток планов, графиков, директив. И ни в какой мере не изменили методов работы в массах. Нужно ли удивляться, что в этой машино-тракторной станции работа тракторного парка проходит в обстановке величайшей мелко-буржуазной расхлябанности?

И из Минераловодского района, и из Тихорецкого района, также занесенных кандидатами на черную доску, продолжают итти сигналы о такой же обстановке величайшей мелко-буржуазной расхлябанности в использовании тракторного парка...

3 ноября „призыв“: „Политотделы Крапоткинских МТС! Организуйте ударников для беспощадного разгрома антиобщественных элементов на севе!“

— Все мы хорошо помним, как большевики носились с коллективизацией, механизацией и т. д. сельского хозяйства. Уничтожили частное хозяйство. Уничтожили старый живой и мертвый инвентарь. „Оперлись“ на тракторы. Потом оказалось, что тракторы надо подпереть... коровами (лошадей и быков уже нет!). Летом этого года „оперлись“ на детей при охране урожая. Осенью настоящего года оперлись на стариков — „инспекторов по качеству“. 5 ноября в „М.“ объявляют: „опереться на преданный беспартийный актив, нанести

сокрушительный удар по деморализации!“ — Интересно, на кого будут „опираться“ оккупанты завтра!..

11 ноября „приказ“: „Мобилизовать все силы для ликвидации отставания совхозов! На токах совхозов застряло 30 тысяч тонн хлеба. Организовать немедленную сдачу зерна государству! Разбить антигосударственные тенденции!“ (Это важное признание! Значит, после 13 лет оккупации, антигосударственные тенденции в Казачьих Краях есть! Ред.).

В Егорлыкском зерносовхозе „борьба за хлеб подменена болтовней“, там „нет действительно напряженной борьбы за снятие его с черной доски. В дни неблагоприятной погоды совершенно складывают руки, не производят хлебосдачу, не борются за сохранность хлеба, не проводят подготовки, чтобы во время отсутствия дождей сработать надвое, натрое больше.“

На зерновом пункте центральной усадьбы зерно лежит сваленное на землю, в большей своей части ничем неприкрытое. Кое-как и кое-где прорыты канавки, но стока нет. Зерно прямо плавает в воде дождей. Не мало зерна! По определению заведующего пунктом Акимова, под открытым небом лежит 170 тонн, директора тов. Жеребкина — 250 тонн...

В совхозе много разговоров о недостатке рабочих рук, но мало делается усилий, чтобы кукурузу убирать пиккерами. В совхозе не убрано пиккерами ни одного га кукурузы! Машины стоят в бездействии. Зав. агропроизводственной части совхозов тов. Теджиев возглавляет кулацкие настроения: „кукуруза недостаточно хороша в смысле чистоты“, „нет никакой возможности выделить тракторы“. Провели только одну пробу убирать пиккерами и на этом успокоили самих себя...

Черная доска.

(11 ноября).

1. Обливский район, секретарь райкома партии Тимофеев, председатель райисполкома Лихачев.

2. Ново-Покровский район, секретарь райкома партии Варфоломеев, председатель райисполкома Брытский.

3. Медвеженский район, секретарь райкома партии Гребенников, председатель райисполкома Панфилов.

4. Родионо-Несветаевская МТС, директор Рубаков, нач. политотдела Горелик.

5. Марино-Зольская МТС, директор Шкирко, нач. политотдела Трикуленко.

6. Албашская МТС, директор Николаев, нач. политотдела Кошелев.

7. Егорлыкский зерносовхоз, директор Жеребкин, нач. политотдела Колонин.

8. Колхоз „Пятилетка в 4 года“, Родионо-Несветаевской МТС, Новочеркасского района.

Кандидаты на черную доску.

Районы:

1. Морозовский.
2. Старо-Минской.
3. Тихорецкий.
4. Крапоткинский.
5. Ново-Александровский.
6. Мин. Водский.

МТС:

1. Егорлыкская, Сальского района.
2. Песчанокопская, Белоглинского района.
3. Поливенская, Сальского района.
4. Ново-Батайская, Азовского района.
5. Старо-Минская, Староминского района.
6. Вешенская, Вешенского района.
7. Советинская, Мясниковского района.
8. Ново-Деревянковская, Старо-Минского района.
9. Незамаевская, Павловского района.
10. Динская, Краснодарского района.
11. Ирклиевская, Тихорецкого района.
12. Бейсугская, Кореновского района.
13. Коноковская, Армавирского района.
14. Старо-Щербиновская, Ейского района.
15. Обливская, Обливского района.
16. Чернышевская, Обливского района.
17. Еянская, Ново-Покровского района.

Дополнительно заносятся кандидатами на черную доску:

18. Павловский район.
19. Мечетинский район.
20. Титаровская МТС, Краснодарского района.
21. Порошинская МТС, Тихорецкого района.
22. Крыловская МТС, Павловского района.
23. Мечетинская МТС, Мечетинского района.
24. Больше-Таловская МТС, Мечетинского района.
25. Терновская МТС, Изобильно-Тищенского района.
26. Успенская МТС, Ново-Покровского района.

В Ново-Покровском районе.

„Едва ли найдется в Ново-Покровском районе хоть один ответственный руководитель, который не занимался бы сейчас подсчетами и промерами незаскирдованного, неубранного с полей хлеба. Считают и промеряют в районе, начиная с 12 октября, когда Крайком партии потребовал в пятидневный срок убрать и заскирдовать весь хлеб, оставшийся в копнах, валках, сгребках. В этом статистическом азарте новопокровские руководители забыли главное, — что хлеб, вокруг которого сотни людей бегают с метровками, этот хлеб нужен не только мерять, но и убирать.

Скирдование за эти пятнадцать дней подвинулось вперед очень слабо. В валках и копнах свыше 9,5 тысяч га.

Никто в районе не берет на себя ответственности назвать точную площадь неубранного хлеба, все считают, что данные райЗО и МТС о ходе осенних работ не больше как „филькина грамота“.

Неосведомленность, а отсюда и беспомощность находят свое выражение хотя бы в следующих фактах. До сих пор не установлена точная площадь колосовых хлебов, оставленных на корню, хотя для этой цели были мобилизованы агрономы, ответственные работники, в том числе и председатель контрольной комиссии т. Перепелкин. Ежедневно и совершенно неожиданно выявляются новые нескошенные площади. Вчера, 26 октября, в Калниболотской МТС насчитывалось нескошенного хлеба 230 гектар, сегодня в райкоме называют

другую цифру — 520 гектар. Председатель райКК Перепелкин ежедневно в колхозе „Автотор“ выясняет все новые площади на корню. В колхозах Еянской МТС незаскирдованные площади в последней пятидневке неожиданно увеличиваются на 3000 гектар.

О том, что делается на колхозных полях, не знает не только районное руководство, но и руководство МТС и даже, председатели колхозов. На глазах ваших корреспондентов в колхозе „Красный авангард“ (Калниболотской МТС) в течение двух дней промеряли площадь неубранного хлеба в 120-150 га и все-таки точно ее не установили. Председатель колхоза Плакса не знает, сколько у него работает лошадей на скирдовании, на молотье, на севе. Две производственных бригады смешались в одну, и на колхозном поле беспомощно топчется неорганизованная масса колхозников. 50-60 колхозников в день скирдовали 16-17 гектар. Колхозная бригада в сутолоке, сумятице, которая создалась в результате неумения развязать узел осенних работ, в Калниболотской МТС и во всех колхозах района, за редким исключением, как самостоятельная производственная единица, ликвидирована.

Выходы на работу, едва достигавшие 65 процентов, за последние дни уменьшаются. Почти исключительно административные меры воздействия на колхозников привели к тому, что на полевых работах коровы почти не участвуют. В сводке Калниболотского стансовета значится, что 25 октября в калниболотских колхозах работало 163 коровы. Эта цифра явно взята с потолка, что явствует из практики того же колхоза „Красный авангард“, где работают две-три пары коров. Почему? Председатель колхоза Плакса и бригадир Сычев, имеющие по две коровы, категорически отказались дать их на работу. Сычев торгует в бригаде молоком и боится, что снизятся его доходы. Оплата работы на коровах не производится. Колхозникам, коровы которых работают на поле, отказывают даже сказать, сколько они выработали. С колхозницей Ориной, которая на своей корове за ночь перевозила из станицы в поле 50 пудов семенного зерна и которая спросила, сколько ей начислят за это, предколхоза Плакса не стал разговаривать, грубо ее оборвал.

Учет труда в значительной части колхозов запутан до последней степени, на почве чего возникают злоупотребления. В колхозе „Коминтерн“ (с. Плоское) колхозников, работавших в поле, обсчитали на 6000 трудодней. В колхозе „Красный авангард“ (Калниболотская) учетчиками работают малограмотные 16-17-летние ребята, труд книжки растеряны, установить количество выработанных трудодней здесь собираются по памяти... На такого рода отношение к учету можно натолкнуться на каждом шагу.

Гибель огромного количества хлеба, запутанность учета, задержка авансов вызвали в колхозниках неуверенность в реальности их трудодня. Здесь нужно искать причины снижения темпов работы, отставания района. И в первую очередь это относится к Калниболотской МТС (директор Мезенцев) и Еянской МТС (директор Федоренко). В колхозах этих двух МТС неубранного хлеба свыше 6000 гектар — около 70 процентов всей неубранной площади в районе.“

(„М.“ 29 октября).

В Ессентуках.

Во главе правления колхоза имени „Красных фронтовиков Германии“ сидел кулак, белогвардеец Марченко. Он поставил своей задачей — взорвать колхоз изнутри с тем, чтобы делать свое гнусное дело исподтишка, незаметно. Он расставил свои силы так, что на решающих участках были свои люди.

Вся эта свора старалась ухудшить качество пахоты и сева, прополку не организовала, а в процессе работы сеяла неверие в твердость закона о хлебозаготовках.

Марченко так и заявил: „Пшеницы нам не достается, а поэтому ухаживать за ней не к чему“.

Приступив к уборке ячменя, он первым дал повод расхищать его, набрав 3 снопа ячменя на корм лошадям. Партячейка, во главе с секретарем Дементьевым, оказалась политически близорукой. Ячейка в целом стояла в стороне от колхозной жизни. Марченко сеял неверие в законы, а ячейка не умела в ежедневной кропотливой работе разъяснить политику партии. Колхозники партиями пошли на базар сбывать малину, вишни и проч. для того, чтобы запасти деньги и купить на рынке хлеб...

Вот результаты кулацкой политики, близорукости партячейки и самих колхозников. Ударники, честно работая сами, с лодырями не ссорились, и результаты сказались: пострадали и ударники, недополучая по 5,1 кгр.!

Такие лодыри, как Малеева Василиса, всего 4 трудодня. Гопина Евдокия 8 трудодней. Пшеничная Федосья — 2,25 трудодня и т. д., список этих людей можно продлить еще и еще — вот кто помогал кулаку разваливать колхоз.

Сейчас Марченко и его компания разоблачены...
(„М.“ 4 ноября).

В Белореченской.

Колхозы Белореченской МТС упорно отстают в севе озимых. Пропустив намеченные сроки (по договору с Майкопской МТС колхозы Белореченской МТС обязались закончить осенний сев к 10 октября), Белореченская МТС план сева на 25 октября не выполнила и наполовину, посеяв 46,1 проц. площади озимых. Классовый враг организует бешеное сопротивление темпам сева. Колхозы: „Красная звезда“, им. Микояна и „Красный пахарь“, имея небольшой план сева, на 25 октября не посеяли ни одного га. Руководители этих колхозов пока что раздумывают и под разными объективными предлогами оттягивают сев, к нему совершенно не приступая.

Затягивает сев озимых колхоз „Вперед беднота“ (председатель Киенко), который на 20 октября план сева выполнил всего лишь на 11 проц.

— Тягла нет, — растерянно разводя руками, замечает Киенко.

— Тягло на сев выводить не буду, — прямо заявляет предколхоза „Первый Октябрь“ Максименко заведующему участком МТС т. Бодрому на требование приступить к работе тяглом. Имея 100 голов скота, колхоз „Первый Октябрь“ и на сегодняшний день вспахал (тяглом): 0,13 га и пересеял 15 га, при плане сева тяглом в 255 га.

Ни один из участков Белореченской МТС план работ тяглом не выполняет ни на пахоте, ни по боронованию, ни по севу. С этим положением в районе спокойно мирятся, начиная с райкома партии (секретарь Павленко) и кончая дирекцией МТС (директор Попандоупо) и руководителями колхозных партячек.

Наряду с отставанием в сроках сева, руководители некоторых колхозов Белореченской МТС идут на прямое преступление, нарушая агроправила. Так председатель колхоза им. Розы Люксембург Черниговского

сельсовета — Черкашин и секретарь партячейки этого колхоза — Савченко дали распоряжение бригадире Дубенко производить сев вручную, причем для маскировки такого „по правилам“ сева, с боков посеяно рядовой сеялкой. В середине, мол, ручной сев не заметят, — рассуждали Савченко, Черкашин и Дубенко, посеявши вручную более 50 га. Политотделом такого рода „практика“ вскрыта и сделан урок для других руководителей колхозов. К сожалению, приходится отметить, что инспектора по качеству этого колхоза — старики — Якуба Иосиф Андреевич, Грицак Николай Дмитриевич и др. молчаливо согласились с ручным севом, забыв прямые указания начальника политотдела.

О потере бдительности ярко говорит такой факт, что уполномоченный РК партии Зубенко, все время находясь в колхозе им. Р. Люксембург, где производили ручной сев, умудрился его не заметить...

(„М.“ 4 ноября).

Что делается в районах, занесенных на „черную доску“.

Первая ноябрьская пятидневка в большинстве черномосочных районов и МТС (и занесенных кандидатами на черную доску) не дала сдвига в осеннем севе.

Тихорецкий район, Старо-Минской, Крапоткинский, Морозовский даже снизили темпы сева по сравнению с предыдущей пятидневкой. Старо-Минской район, например, за последнюю октябрьскую пятидневку дал 3 проц., за первую ноябрьскую — 2 проц.

Ново-Покровский район позорно топчется на месте. За шестую пятидневку октября прирост составил 2 проц., за первую ноябрьскую — 3 проц. В то же время соревнующийся с ним Ново-Александровский район сумел поднять темпы. За шестую октябрьскую пятидневку прирост был 7 проц., за первую ноябрьскую — 9 проц. В этом районе впереди идут Рождественская МТС — 76 проц. к плану, Ново-Расшеватская — 72 проц. Тянет район вниз Каменнобродская МТС, которая при одинаковом задании с Рождественской МТС, выполнила лишь 42 проц. плана!

Старо-Щербиновская МТС Ейского района за пятидневку не посеяла ни одного гектара. Все остальные МТС района в эту пятидневку дали прирост в выполнении плана.

Песчанокотская МТС за первую пятидневку ноября дала прирост всего лишь 0,6 проц.

В Иркинской МТС, Тихорецкого района, за первую пятидневку ноября выполнено только 2 проц. плана. Тут руководители колхозов покрывают лодырей и разгильдяев, не выходящих на работу и не выполняющих нормы выработки. Дневные задания по севу выполняются за пять дней. Это стало обычным явлением, к этому „привыкли“, колхозные массы не мобилизуются на выполнение и перевыполнение норм выработки.

В Ново-Батайской МТС, Азовского района, дирекция, во главе с Трефиловым, развалила работу стан-

Кто правит там?

В русской парижской газете „Возрождение“, в номере от 17 сего ноября, помещена „беседа с человеком оттуда“ (из станицы Великокняжеской). Приводим ниже некоторые места этой „беседы“:

„... В Великокняжеской... тюрьма всегда битком набита... Председатель ГПУ — русский, старый партиец. С отрудники — все русские; ни грузин, ни латышей, ни евреев я не заметил“...

... „Казачи, все, старые и молодые, богатые и бедные, разоренные и еще кое как существующие, ненавидят советскую власть поголовно. Советская власть ведет с донским казачеством смертельную борьбу на истребление“...

ции. Тракторный парк используется безобразно. Тракторы иногда бросают на перевозку материалов и т. п.

По всем чернодосочным районам и МТС сдача хлеба не увеличивается, а кое-где даже снизилась. Старо-Минской район и Ново-Александровский за 10 дней выполнили 1 проц. годового плана, Ново-Покровский район выполнил за эти 10 дней 2 проц., Минераловодский — 3, Крапоткинский — 4.

В Коноковской МТС, Армавирского района, кулацкие, антиколхозные элементы сопротивляются сдаче хлеба. В первые дни, после занесения МТС кандидатом на черную доску обозначился некоторый сдвиг в сдаче кукурузы, но потом пошло попрежнему самотеком... На полях колхозов сел Коноково, Маломино, Успенского, Ливонского и др. лежат буквально горы сложенной кукурузы. По всей МТС в буртах лежит до 40 тысяч центнеров кукурузы. Руководители колхозов ждут автомашин, упорно не желая использовать на вывозе кукурузы тягло.

В большинстве чернодосочных районов слабые темпы хлебосдачи непосредственно связаны с затяжкой уборки кукурузы. В Тихорецком районе и Минераловодском урано только 22 проц. всех посевов кукурузы, в Ново-Александровском — 19 проц., в Крапоткинском — 35, в Старо-Минском — 36. Партийные организации не сломали кулацких настроений — кукуруза подождет на корню, с ней ничего не делается...

(„М.“ 11 ноября).

„Картинка“ из Нальчика.

„Секретарь обкома партии Бетал Калмыков осматривал уборные в квартирах областных руководящих работников. Кое-кто из них, узнав об этом, пытался схитрить. Наспех замыкали или забивали досками уборные; дескать, на ремонте. Секретарь обкома спокойно настаивал: — открой! А потом было специальное заседание бюро обкома с партактивом города. Подводились итоги рейда.

— Стыдись! — страстно говорил Бетал одному из ответственных руководителей области — Какой же ты руководитель, когда у себя дома не можешь в чистоте и порядке уборную держать? Твоя уборная, кухня, квартира, двор, лестница должны быть учебным пособием для родичей, приезжающих к тебе из селения! А ты сам в грязи живешь! Стыдись!

После этого две недели во всем городе шла капитальная чистка уборных. Почин сделали областные работники.

Были еще рейды. Их секретарь обкома проводил из кухни и в коридоры. Потом шел по дворам и улицам в библиотеки, бани, парикмахерские. Итоги этих рейдов тоже подводились на заседаниях бюро обкома, прорабатывались на секциях городского совета, на собраниях, профсоюзных, партийных, комсомольских.

Или вот другой факт. В Нальчике, против обкома, через дорогу, угловое здание занимает областная прокуратура. Как-то шло бюро обкома. Из залы заседаний его прокуратура видна, как на ладони. На бюро обсуждался вопрос об овладении техникой. Выступал Калмыков, горячо и убедительно.

— Культуры! Вот чего нехватает многим из нас. Это самый тяжелый наш враг — некультурность, Гири, мешающие быстрее двигаться вперед. Вот вам пример.

Он подошел к присутствовавшему на бюро прокурору области, взял его за руку, подвел к окну и, указывая пальцем на крышу здания прокуратуры, сказал:

— Смотри. Вот водосточная труба. У ней оторвался рукав. Оторвался полторы недели назад. Болтается. Когда дождь, вода идет мимо, портит стены. Видишь?

— Вижу.

— Раньше видел?

— Видел.

— Почему не сказал, чтоб исправили? Трудно это? Как можно быть таким неряхой?! Когда человек расхлябан в мелочах, он и в работе не может быть организованным...

(„Молот“ от 4 ноября).

В Совхозах.

„За зерносовхозами края продолжает оставаться большой хлебный долг государству. Первая пятнадцатая ноября прошла без какого либо продвижения вперед. Итоги ее показывают спад работы. Если за пятую пятнадцатку октября было заскিরдовано 21 тысяча га хлеба, то за шестую только 11 тысяч, а за первую пятнадцатку ноября 3 тысячи га.

На 5-е ноября в валках и копнах продолжало лежать 21.491 га. Самое большое количество незаскирдованного хлеба имеют: Тихорецкий зерносовхоз — 5.124 га, Егорлыкский — 3.027 га, Крапоткинский — 1.975 га, Изобиленьский — 1.461 га.

Всего за пятилетку обмолочено в зерносовхозах 6.104 га. Почти во всех совхозах обмолачивают буквально по несколько га в день, что говорит об игнорировании обмолота, по сути дела, полном его прекращении.

Нет перелома в ходе уборки кукурузы и подсолнуха. Если еще за пятнадцатку срезано 24,7 процента всего подсолнуха, то кукурузы только 2,4 проц. Первым в уборке кукурузы продолжает идти Прохладненский зерносовхоз — сломано 76 проц. Совершенно прекратил ломку Белоглинский, остановился на 38,8 проц. Попрежнему совершенно не развертывают уборки кукурузы Темижбекский — 0,9 проц., Расшеватский — 1,9 проц., Павловский — 3,8 проц., Адыгейский, „Балтийский рабочий“ и др. не сломали за пятнадцатку ни одного га кукурузы!

За пятнадцатку в счет возврата ссуды совхозами сдано 2.530 тонн. Всего ссуды возвращено 41,5 проц. В счет государственных поставок не сдано ни одной тонны! Процент выполнения годового плана — 27,3 — остается без изменения.

Такое преступное положение, помимо других причин, объясняется недопустимой задержкой вывоза уже намолоченного зерна. Намолочено с начала кампании 205 тыс. тонн, т. е. не на много больше половины намолоченного. Если учесть семена, фураж, продовольствие, натуроплату рабочих, то все же в совхозах вместе с мертвыми отходами лежит свыше 30 тыс. тонн зерна! Хлеб лежит на эстокадах, лежит под дождем, расхищается, а директора ряда совхозов занимаются антигосударственными разговорами о том, что план не выполним. Такие зерносовхозы, как Обливский, „Светоч“, Терновский, „Гигант“, Егорлыкский, Тихорецкий, Степнянский, имеют разрыв в обмолоте и сдаче более, чем по одной тысяче тонн!..“

(„М.“ от 11 ноября).

● КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! ●



Открыта подписка
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корону знамку, из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.